В. А. МАКЛАКОВЪ

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ

ДВѢ РѢЧИ

ПАРИЖЪ
ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
1929

B. G

Того же автора:

ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ

Издат. «Рус. Земля», Парижъ, 1921

В. А. МАКЛАКОВЪ

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ

ДВѢ РѢЧИ

ПАРИЖЪ
Издательство «Современныя Записки»
"ANNALES CONTEMPORAINES" 106, RUE DE LA TOUR, PARIS
1929

Imprimerie d'Art Voltaire
-: O. Zeluk, Directeur :-
34, rue Richer. Paris (9e)

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ

Левъ Толстой

(Ученіе и Жизнь)

(Рѣчь, произнесенная въ Парижѣ 2 іюня 1928 г. на праздникѣ Русской Культуры).

Я не могу перейти къ моей темѣ, не сказавъ двухъ словъ въ ея оправданіе.

Мы начинаемъ сегодня праздники въ честь русской культуры и празднуемъ столѣтнюю годовщину Толстого; а между тѣмъ я вовсе не буду говорить о главномъ вкладѣ Толстого въ область русской культуры, объ его художественной дѣятельности. Дѣлаю такъ потому, что эта дѣятельность общеизвѣстна и совершенно безспорна. Почетное мѣсто Толстого во всемірной литературѣ установлено прочно и на него не посягаетъ никто.

Другая судьба у того, что можно назвать общимъ словомъ «ученіе». Эта дѣятельность менѣе извѣстна и гораздо болѣе спорна. Многіе не только изъ тѣхъ, кто осуждаетъ Толстого, но изъ тѣхъ, кто сейчасъ пытается говорить за него, знаютъ изъ его ученія только отрывки. Не на словахъ, а на дѣлѣ за его ученіемъ почти никто не послѣдовалъ. И однако это ученіе все же міръ потрясло не менѣе, чѣмъ его литературная дѣятельность. Возьмите простой фактъ, который у всѣхъ на виду. Толстой умеръ въ старости, когда новыхъ художественныхъ произведеній отъ него ждать было нельзя; все, что можно, онъ уже далъ. Смерть Толстого ничего не отнимала у литературы, могла

бы быть только поводомъ вспомнить добромъ то, что онъ сдѣлалъ въ литературѣ, освѣжить въ памяти его заслуги. А между тѣмъ не только въ Россіи, но заграницей, смерть Толстого была воспринята какъ реальная потеря чего-то дорогого и нужнаго. Міръ какъ будто дорожилъ тѣмъ, что Толстой еще гдѣ-то живетъ, думаетъ и иногда «не можетъ молчать». Одного этого факта достаточно, чтобы оправдать мою тему. Къ тому же мы знаемъ, что эту дѣятельность самъ Толстой считалъ своимъ главнымъ призваніемъ. Потому въ день годовщины Толстого должно вспомнить и объ этой сторонѣ его дѣятельности, хотя бы она была для насъ менѣе интересна, хотя бы послѣ войны на очередь стало столько острыхъ вопросовъ практической жизни, что покажется страннымъ уходить отъ реальнаго міра въ область тѣхъ отвлеченныхъ проблемъ, которыми занимался Толстой. И ставя передъ собою задачу напомнить то, что можно назвать «ученіемъ Толстого», я не собираюсь его ни проповѣдывать, ни защищать. Я самъ, какъ вѣроятно почти всѣ въ этомъ залѣ, принадлежу къ ученіямъ міра, которыя Толстой отвергалъ; не мнѣ поэтому его защищать. Моя цѣль только помочь его пониманію, пониманію того, въ чемъ это ученіе заключается, гдѣ его мѣсто, а черезъ это пониманію и того чѣмъ былъ Толстой, какъ міровое явленіе.

Я долженъ сдѣлать еще оговорку. Я говорю «ученіе Толстого»; если бы онъ услышалъ эти слова, онъ съ досадой ихъ бы отвергъ. Толстой не признавалъ себя учителемъ; онъ считалъ, что все его дѣло свелось къ возстановленію настоящаго Христа безъ тѣхъ искаженій, которыя вѣка внесли въ его образъ. Есть и другое возраженіе противъ слова «ученіе»: это слово предполагаетъ систему; этой системы не было у Толстого. У него былъ не систематическій умъ; когда онъ отдавался во власть какой либо мысли, она имъ овладѣвала всецѣло, заслоняя все остальное; онъ доводилъ ее до крайнихъ предѣловъ, менѣе всего безпокоясь о томъ, какъ согласовать ее съ тѣмъ,

что раньше говорилъ по этому поводу. Оттого въ его писаніяхъ много несогласованности и противорѣчій. Если въ нихъ есть все-таки цѣльность, то только потому, что мысли Толстого исходили отъ личности, исключительно цѣльной, серьезной и честной. Въ ней логическія противорѣчія находили объясненіе и разрѣшеніе. Но когда я сейчасъ берусь за задачу изложить его взгляды въ видѣ системы, я долженъ продѣлать эту работу вмѣсто Толстого; и у меня нѣтъ вовсе увѣренности, что если бы онъ ее увидалъ, то отъ нея не отрекся бы.

Задача впрочемъ облегчается тѣмъ, что главные элементы ученія Толстого изложены имъ самимъ въ двухъ основныхъ сочиненіяхъ: «Исповѣдь», и «Вѣра», появившихся на разстояніи 10 лѣтъ другъ отъ друга. Въ нихъ содержится вся сущность ученія. Все, что онъ писалъ внѣ этихъ двухъ сочиненій, либо примѣненіе его взглядовъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, либо полемика, либо разъясненія и повторенія.

И я начинаю съ «Исповѣди», потому что это исходная точка; не усвоивъ ея, невозможно понять ни Толстого, ни его вѣры.

I.

«Исповѣдь», какъ позднѣе и «Вѣра», начинаются съ указанія, что Толстой съ раннихъ лѣтъ потерялъ то, что онъ называетъ «дѣтскою» вѣрой:

«Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ и, за исключеніемъ 14 или 15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. не соціалистомъ и революціонеромъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а нигилистомъ въ смыслѣ отсутствія всякой вѣры». (Въ чемъ моя Вѣра).

То-же самое онъ раньше сказалъ въ своей «Исповѣди»; онъ добавилъ, что потеря этой дѣтской вѣры совершилась безъ труда и борьбы, какъ бы сама собой. «Дѣтская вѣра» играла слишкомъ ничтожную роль въ его жизни и міровоззрѣніи; нуженъ былъ незамѣтный толчекъ, чтобы она вовсе исчезла. Толстой приводитъ аналогичный примѣръ изъ жизни одного изъ своихъ близкихъ людей:

«Мнѣ разсказывалъ С., умный и правдивый человѣкъ, какъ онъ пересталъ вѣрить. Лѣтъ 26-ти уже, онъ разъ на ночлегѣ, во время охоты по старой, съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ на охотѣ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончилъ и сталъ ложиться, братъ его сказалъ ему: «А ты все еще дѣлаешь это».

И больше ничего они не сказали другъ другу. И С. пересталъ съ того дня становиться на молитву и ходить въ церковь». (Исповѣдь).

То-же самое, говоритъ онъ, произошло и со мной: «сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ такъ же, какъ и въ другихъ, съ той только разницей, что такъ какъ я съ 15-ти лѣтъ сталъ читать философскія сочиненія, то мое отреченіе отъ вѣроученія очень рано стало сознательнымъ. Я съ 16-ти лѣтъ пересталъ становиться на молитву и пересталъ по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть». («Исповѣдь»).

Какъ бы то ни было, нужно принять, какъ основной фактъ его психологіи, что этой вѣры въ Толстомъ не осталось, и онъ умеръ, къ ней не вернувшись.

Если вѣрно обычное наблюденіе, что отъ невѣрія переходятъ къ вѣрѣ черезъ страданія, если, говоря недавними словами одного публициста, вѣра является «духовными костылями», то было мало причинъ, которыя Толстого могли бы къ вѣрѣ вернуть. Онъ обычнаго горя и страданій не зналъ; былъ истиннымъ баловнемъ міра, которому и судьба и природа дали все, чего можетъ желать человѣкъ. Природа дала тѣлесную крѣпость, здоровье, которое позволило дожить до старости, дала сильныя страсти, жадность къ жизни, наконецъ, изумительный даръ литературнаго творчества. Судьба отъ нея не отстала; принесла ему богатство, позволила не думать о завтрашнемъ днѣ, не искать занятій не по душѣ и не по вкусу, дала исключительныя связи въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ, при которыхъ для него въ немъ все стало доступно, наградила его не только всероссійской, но всеміpною славою и въ довершеніе подарила ему рѣдкое семейное счастье.

Чего онъ могъ еще желать, чтобы жить въ этомъ мірѣ счастливо, окруженнымъ поклоненіемъ и почетомъ, по-

чивая на лаврахъ, вѣдая радости творчества, занимаясь дѣломъ, къ которому его влекло дарованіе, «усовершенствуя плоды любимыхъ думъ», по выраженію Пушкина. Толстой могъ жить счастливо и умереть спокойно въ сознаніи, что ему некому было завидовать и что онъ могъ ни о чемъ не жалѣть; и позднѣйшій поэтъ могъ написать про него то-же, что Баратынскій про Гете:

«Предстала, и старецъ великій смежилъ
«Орлиныя очи въ покоѣ,
«Почилъ безмятежно, зане совершилъ
«Въ предѣлѣ земномъ все земное».

Но въ натурѣ Толстого было что то, чего не было у Гете; простое людское счастье его не удовлетворяло вполнѣ. Въ годы наибольшаго развитія духовныхъ и физическихъ силъ онъ сталъ задумываться; жизнь, по его словамъ, стала въ немъ пріостанавливаться и потомъ вовсе остановилась. Задумываться онъ сталъ надъ фактомъ, всѣмъ намъ извѣстнымъ, надъ неизбѣжностью смерти. Какъ человѣкъ невѣрующій, онъ въ смерти видѣлъ полный конецъ. Но если жизнь будетъ кончена, какой смыслъ въ томъ, что онъ имѣлъ и чего добивался, въ богатствѣ и здоровьи и славѣ? Къ чему человѣческое счастье, если оно все равно должно кончиться смертью? Какой смыслъ въ самой жизни, если она не безконечна? Подобно тому, какъ присужденный къ казни въ ожиданіи палача не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ неотвратимой гибели, не находитъ радости уже ни въ чемъ, что бы ему ни давали въ послѣдніе часы его жизни, такъ Толстой при мысли о смерти потерялъ всякій интересъ къ нашей кратковременной жизни, пришелъ къ заключенію, что въ ней нѣтъ смысла.

Въ этомъ настроеніи нѣтъ ничего особенно новаго; на эти сомнѣнія есть много отвѣтовъ. Что же такого, если въ жизни нѣтъ смысла? Зачѣмъ нуженъ смыслъ, когда есть инстинктъ жизни? Приговоренный, хотя никакихъ радостей въ жизни не видитъ, все же стремится про-

длить свою жизнь хотя бы на нѣсколько безполезныхъ минутъ. Наконецъ, если въ жизни нѣтъ смысла, въ ней есть другія приманки: есть интересъ къ ней, есть ея радости, которыя хочется тѣмъ полнѣе использовать, чѣмъ онѣ недолговѣчнѣе; есть болѣе высокіе мотивы — чувство долга, привязанности. А наконецъ, въ фактѣ смерти, въ полномъ уничтоженіи «сознанія», въ переходѣ въ «покой небытія», по слову поэта — нѣтъ ли и глубокаго смысла? Конецъ сознанія не долженъ ли устранить «страхъ» передъ смертью? Почему бояться смерти и даже просто съ нею считаться, если послѣ смерти мы не будемъ знать, что жили когда-то, превратимся въ то-же небытіе, въ которомъ пребывали до рожденія? И Гамлетъ боялся не смерти, а лишь возможности «сновидѣній» послѣ нея. Если не вѣрить въ эту возможность, — что мѣшаетъ пользоваться и наслаждаться жизнью, пока она продолжается?

Но эти разсужденія Толстого не убѣждали. Онъ на нихъ отвѣчаетъ картиннымъ сравненіемъ, на которыя былъ такой мастеръ.

«Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодецъ, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ... Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ». («Исповѣдь»).

Люди, которые сознавая, что скоро умрутъ, могли находить интересъ въ радостяхъ жизни, были подобны путнику, который надъ пропастью утѣшался лизаніемъ меда. Но самъ Толстой этимъ утѣшаться не могъ; не могъ понять, какъ могутъ этимъ утѣшаться другіе. Почему хотятъ люди жить, если наша жизнь кончается смертью, — спра-

шиваетъ онъ. Онъ находилъ четыре отвѣта: одни потому, что о смерти еще не подумали; это отвѣтъ незнанія; онъ уже не годился Толстому. Другіе подумали, но стремятся возможно полнѣе насладиться благами міра; это отвѣтъ эпикурейцевъ; онъ утѣшаетъ недолго; по мѣрѣ того какъ смерть ближе подходитъ, онъ становится недостаточнымъ. Третьи стараются не думать о смерти, закрываютъ глаза на нее; это отвѣтъ слабости; рекомендовать его себѣ Толстой не могъ. Остается послѣдній отвѣтъ — отвѣтъ силы, добровольный уходъ изъ безсмысленной жизни, нежеланіе продолжать жизнь, когда безсмысленность ея стала ясна; словомъ, — самоубійство. Это единственный достойный человѣка отвѣтъ. Это нужно запомнить; Толстой въ 80-ые годы, написавшій уже и «Войну и Миръ» и «Анну Каренину», Толстой, окруженный и почетомъ и славой, былъ наканунѣ самоубійства; какъ онъ самъ говоритъ, онъ пряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ въ знаменитой библіотекѣ Ясной Поляны и пересталъ ходить на охоту, чтобы не соблазниться легкой возможностью покончить съ собой.

Здѣсь ключъ ко всему; если не представить себѣ этого душевнаго состоянія, не пережить хотя бы вчужѣ подобнаго настроенія, невозможно будетъ понять и дальнѣйшаго. Настроеніе «Исповѣди» лежитъ въ основѣ всего ученія. Нужно ясно это усвоить: несмотря на свои успѣхи и радости Толстой въ это время могъ покончить самоубійствомъ, могъ задать міру загадку: почему онъ себя убилъ? Міръ сталъ бы искать въ жизни Толстого какого либо остраго преходящаго горя; ничего этого не было; Толстой погибалъ отъ безсмыслицы собственнаго счастья. Сталъ бы искать другихъ причинъ самоубійства, предполагать жажду острыхъ ощущеній, нежеланіе подчиниться общему правилу, горделивую рѣшимость уйти изъ міра по собственной волѣ, въ самимъ выбранной формѣ, а не по усмотрѣнію микробовъ болѣзни. Словомъ, міръ сталъ бы искать тѣхъ различныхъ и всѣмъ доступныхъ соблазновъ, на которые намекнулъ любимый Толстымъ поэтъ Тютчевъ въ словахъ:

«И кто въ избыткѣ ощущеній,
«Когда кипитъ и стынетъ кровь,
«Не вѣдалъ вашихъ искушеній,
«Самоубійство и любовь?»..

Или, наконецъ, міръ успокоился бы на томъ объясненіи, которымъ онъ прикрываетъ незнаніе, и рѣшилъ бы, что Толстой душевно-больной. Все это было бы глубокой неправдой; причины самоубійства Толстого были бы иного порядка; намъ онѣ чужды, но мы должны заставить себя ихъ понять, если хотимъ разобраться въ драмѣ Толстого.

Толстой себя не убилъ. Въ немъ была слишкомъ сильна жажда жизни. Онъ сталъ бороться со своимъ настроеніемъ, сталъ искать помощи у другихъ, у кого всего естественнѣе ее было найти. Онъ обращался къ наукѣ, къ всемогущимъ опытнымъ знаніямъ; но наука не только не давала отвѣта, она не понимала вопроса. Наука говорила о томъ, какъ все живетъ и развивается, но не интересовалась вопросомъ зачѣмъ. Толстой обращался къ философіи, къ умозрѣнію всѣхъ временъ и народовъ; тутъ была картина обратная; умозрѣніе ставило этотъ вопросъ, но выводъ, къ которому оно приходило, въ лицѣ самыхъ разнообразныхъ своихъ представителей, которыхъ Толстой соединилъ въ причудливый букетъ—Сократъ, Соломонъ, Будда и Шопенгауэръ, подтверждало основной выводъ Толстого: въ жизни человѣка нѣтъ смысла, вся она одна суета. Толстой наконецъ обратился къ религіи, и она на это давала отвѣтъ, всякая религія, всѣ вѣроученія. Но она давала отвѣтъ, котораго Толстой принять не могъ. Въ этомъ отвѣтѣ былъ ложный кругъ, ибо религія отвѣчала не на тотъ вопросъ, который ставилъ Толстой. Для Толстого безсмыслица жизни была именно въ томъ, что жизнь кончалась смертью, что не было ни одного счастья, которое не уничтожалось бы смертью; это исходный пунктъ его мукъ. А религія отрицала самый фактъ конечности жизни, вѣрила въ загробную, т. е. въ безконечную жизнь. Утверждая

это религія упраздняла Толстовскій вопросъ; если стоять на почвѣ религіи, его не зачѣмъ ставить; безконечная жизнь, хотя бы и видоизмѣненная смертью, не представляется уже безсмыслицей. Толстой искалъ смысла для той жизни, которая кончается смертью; смысла такой жизни не могла указать и религія. Если бы Толстой могъ принять исходную точку религіи, самого во проса не возникало бы. Потому поставивъ вопросъ о смыслѣ жизни конечной, онъ не могъ принять отвѣта, который давала религія.

Въ этомъ пунктѣ вся драма Толстого; натура par excellence религіозная, Толстой ставилъ себѣ тотъ вопросъ о смыслѣ жизни, который лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ ученій; но отвѣта на этотъ вопросъ онъ требовалъ отъ невѣрія. Онъ и далъ его въ томъ сочиненіи, которое написалъ спустя 10 лѣтъ и которое носитъ названіе «Въ чемъ моя Вѣра».

Прежде чѣмъ перейти къ этой книгѣ, въ которой заключается сущность «ученія», я долженъ остановиться на томъ неполномъ отвѣтѣ, который первоначально далъ Толстой въ самой «Исповѣди». На немъ Толстой не удержался и не могъ удержаться; этотъ отвѣтъ—компромиссъ, переходный этапъ, подготовка тѣхъ выводовъ, къ которымъ Толстой пришелъ послѣ; онъ интересенъ какъ переходъ.

Не удовлетворившись тѣмъ, что онъ услыхалъ отъ наукъ или религій, Толстой не могъ помириться съ тѣмъ, что отвѣта нѣтъ вовсе; не могу я признать, думалъ онъ, что я, а вмѣстѣ со мной и Шопенгауэръ и Будда и другіе умнѣе всѣхъ остальныхъ; вѣдь милліоны людей жили и живутъ не терзаясь, не унывая, не кончая самоубійствомъ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Очевидно, заключаетъ Толстой, я искалъ отвѣта не тамъ, гдѣ его могутъ дать; его надо искать не у ученыхъ, не у разумныхъ, а у этихъ простыхъ людей, для которыхъ не существуетъ вовсе этихъ сомнѣній.

«...И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ простыхъ,

неученыхъ людей, странниками, монахами, раскольниками, мужиками». («Исповѣдь»).

Посвятивши себя изученію жизни и мыслей этихъ людей, Толстой открылъ новый міръ непохожій на тотъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ жилъ. Рѣзкими чертами онъ характеризуетъ его:

«Въ противоположность того, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ возможна жизнь безъ вѣры и гдѣ изъ 1000 едва ли одинъ признаетъ себя вѣрующимъ, въ ихъ средѣ едва ли одинъ невѣрующій на тысячи. Въ противоположность тому, что я видѣлъ въ нашемъ кругу, гдѣ вся жизнь проходитъ въ праздности, потѣхахъ и недовольствѣ жизнью, я видѣлъ, что вся жизнь этихъ людей проходила въ тяжеломъ трудѣ и они были довольны жизнью. Въ противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на нашу судьбу за лишенія и страданія, эти люди принимали болѣзни и горести безъ всякаго недоразумѣнія, противленія, съ покойною и твердою увѣренностью въ томъ, что все это — добро. Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью. В ъпротивоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе в ънашемъ кругу, — смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа». («Исповѣдь»).

Увидавъ эту разницу, Толстой со свойственнымъ ему увлеченіемъ, хотя безъ достаточной логической связи, приходитъ къ выводу, что разгадка именно въ этомъ:

«Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслилъ, сколько оттого, что я жилъ дурно... я спросилъ себя, что такое моя жизнь, и получилъ отвѣтъ: зло и безсмыслица. И точно, моя жизнь — жизнь потворства, похоти — была безсмысленна и зла, и потому отвѣтъ: «жизнь зла и безсмысленна», относился только къ моей жизни, а не къ жизни людской вообще». («Исповѣдь»).

Вотъ тотъ отвѣтъ, который онъ даетъ въ своей «Исповѣди». Толстой не разрываетъ съ міромъ, какъ онъ разорвалъ съ нимъ позднѣе; онъ только расходится со своимъ прежнимъ кругомъ, сближается съ другими слоями

народа, старается подражать ихъ жизни и черезъ это усвоить ихъ міровоззрѣніе. И онъ дѣлаетъ это въ двухъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, Толстой старается поставить себя въ тѣ условія жизни, въ которыхъ живутъ народныя массы; отсюда идетъ полоса «опрощенія». Толстой пашетъ землю въ деревнѣ, въ городѣ шьетъ сапоги, старается жить своимъ трудомъ; онъ мѣняетъ костюмъ, надѣваетъ рубашку, въ его домѣ появляются тѣ незнакомцы, которые въ его гостиной получили названіе «темныхъ». Отъ этой полосы Толстовскаго настроенія пошли толстовскія колоніи, ученіе о четырехъ упряжкахъ и все, въ чемъ многіе въ простотѣ душевной видѣли самую сущность толстовства.

Во-вторыхъ, и это гораздо важнѣе, Толстой пытается вернуться къ церковному міровоззрѣнію; онъ, который давно разорвалъ всякія сношенія съ церковью, начинаетъ ходить къ церковной службѣ, исполнять обряды, словомъ возвращается къ вѣрѣ. Родные и близкіе одни съ удивленіемъ, другіе съ радостью отмѣчали это возвращеніе къ религіозности.

Такъ Толстой рѣшилъ эту задачу; это спасло его отъ самоубійства и на извѣстное время его успокоило; но это рѣшеніе заключало въ себѣ противорѣчіе, которое должно было раскрыться.

Опрощеніе Толстого было искусственно. Міръ трудился потому, что иначе онъ не могъ жить. Толстой заставлялъ себя трудиться, потому что въ этомъ думалъ найти себѣ счастье. Міръ не отвергалъ земныхъ благъ, стремился къ нимъ и жалѣлъ о томъ, что ихъ не имѣетъ. У Толстого они уже были, но онъ ихъ не хотѣлъ, отъ нихъ отвернулся. Сходство его жизни съ мірской было поверхностно.

Еще больше разница во внутреннемъ отношеніи къ жизни. То, что давало простому міру спокойствіе — была его «дѣтская вѣра» въ Бога, въ безсмертіе и загробную жизнь. Этой вѣры Толстой себѣ не вернулъ. Онъ исполнялъ обряды только чтобы быть вмѣстѣ съ міромъ, пе-

реживать общія съ нимъ ощущенія, стоять на той же почвѣ, что міръ. Сходство осталось на внѣшности; а въ существѣ между нимъ и міромъ была непроходимая пропасть. Толстой указалъ на нее въ своей «Исповѣди»:

«Исполняя обряды церкви, я смирялъ свой разумъ и подчинялъ себя тому преданію, которое имѣло все человѣчество. Я соединялся съ предками моими, съ любимыми мною отцомъ, матерью, дѣдами, бабками. Они и всѣ прежніе вѣрили и жили, и меня произвели. Я соединялся и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. Кромѣ того, самыя дѣйствія эти не имѣли в ъсебѣ ничего дурного (дурнымъ я считалъ потворство похотямъ)». («Исповѣдь»).

Могло ли такое отношеніе уподобиться вѣрѣ? Толстой самъ чувствовалъ, что здѣсь что-то не ладно.

«Мнѣ такъ необходимо было тогда вѣрить, чтобы жить, что я безсознательно скрывалъ отъ себя противорѣчія и неясности вѣроученія. Но это осмысливаніе обрядовъ имѣло предѣлъ.... почти двѣ трети всѣхъ службъ, — или вовсе не имѣли объясненія, или я чувствовалъ, что я, подводя имъ объясненія, лгу и тѣмъ совсѣмъ разрушаю свое отношеніе къ Богу, теряю совершенно всякую возможность вѣры»...

«Сильнѣе всего это происходило со мною при участіи въ самыхъ обычныхъ таинствахъ, считавшихся самыми важными: крещеніи и причастіи. Тутъ не только я сталкивался съ не то что непонятными, но вполнѣ понятными дѣйствіями, и я былъ поставляемъ въ дилемму — или лгать или отбросить.

«Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, когда я причащался въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила — все это было мнѣ понятно и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что смыслъ жизни открывается мнѣ... Но когда я подошелъ къ царскимъ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторить то, что я вѣрю, что, то, что я буду глотать, есть истинное тѣло и кровь, меня рѣзнуло по сердцу, это мало что фальшивая нота, — это — жестокое требованіе кого-то такого, который, очевидно, никогда и не зналъ, что такое вѣра...» («Исповѣдь»).

Какой выводъ изъ этого противорѣчія? Толстой объясняетъ это:

«Я ужъ не былъ въ томъ положеніи, въ какомъ я былъ въ молодости. думая, что въ жизни все ясно; я вѣдь пришелъ къ вѣрѣ пото-

му, что, помимо вѣры, я ничего, навѣрное ничего, не нашелъ, кромѣ погибели, поэтому откидывать эту вѣру нельзя было, и я покорился. И я нашелъ въ своей душѣ чувство, которое помогло мнѣ перенести это. Это было чувство **самоуниженія и смиренія».** («Исповѣдь»).

Такое настроеніе было столь-же мало церковно-религіознымъ, какъ его жизнь — жизнью трудящагося. Толстой разорвалъ со своимъ кругомъ, но съ міромъ не сблизился. Въ этой стадіи его жизнь заключала противорѣчіе; другія натуры могутъ жить не смущаясь противорѣчіемъ и находить въ немъ своеобразную прелесть. Толстой для этого былъ натурой слишкомъ цѣльной и честной; онъ не могъ не чувствовать противорѣчія и долженъ былъ изъ него выходъ найти. Выходъ могъ быть въ двухъ направленіяхъ.

Или Толстой могъ помириться съ тѣмъ, что жизнь кончается смертью, что смысла въ ней нѣтъ и, несмотря на это, продолжать все-таки жить, беря отъ жизни все, что она могла дать: онъ сталъ бы тогда великимъ язычникомъ, эпикурійцемъ въ родѣ Петронія или мудрецомъ въ духѣ Марка Аврелія.

Или старанія Толстого возбудить въ себѣ дѣтскую вѣру, сблизиться съ міромъ могли привести его къ усвоенію мірской вѣры. Онъ могъ принять то, что до тѣхъ поръ отвергалъ; могъ повѣрить въ безсмертіе, въ загробную жизнь; тогда онъ дѣйствительно сошелся бы съ Церковью. У него были съ ней свои счеты, на которые онъ указывалъ въ «Исповѣди»; онъ осуждалъ ея нетерпимость, склонность ея представителей вести жизнь богатаго круга, покорное молчаніе передъ тѣмъ, въ чемъ были преступленія государственной власти, передъ военнымъ насиліемъ, смертной казнью и т. п.; Толстой могъ съ этимъ бороться, оставаясь на почвѣ вѣры и Церкви; онъ сталъ бы тогда реформаторомъ, сектантомъ или учителемъ Церкви, но все-таки человѣкомъ церковнаго міровоззрѣнія. Оригинальность Толстого въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ни того ни другого, а нашелъ т р е т і й выходъ. Онъ изложилъ его въ своей «Вѣрѣ».

«Вѣра», точнѣе «Въ чемъ моя Вѣра», появилась въ серединѣ 80-хъ годовъ; если «Исповѣдь» исходный пунктъ міровоззрѣнія Толстого, то «Вѣра» его завершеніе. Въ этомъ сочиненіи его міровоззрѣніе сложилось уже окончательно. Дальше идти было некуда; все, что онъ послѣ писалъ, только частичное развитіе «Вѣры», приложеніе общихъ принциповъ къ конкретнымъ вопросамъ.

«Вѣра» явилась плодомъ усиленныхъ занятій Толстого надъ Св. Писаніемъ и ученіемъ Церкви; эти работы его надъ богословской литературой были въ свою очередь послѣдствіемъ его попытки подойти ближе къ Церкви. Но выводы, къ которымъ эти занятія его привели, явились результатомъ того внезапнаго вдохновенія, которое по старинной терминологіи называли откровеніемъ; Толстой самъ разсказалъ намъ объ этомъ:

«...а это было мгновенное устраненіе всего того, что скрывало самый смыслъ ученія, и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое бы случилось съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора, когда бы вдругъ по одному наибольшему куску онъ догадался, что это совсѣмъ другая статуя». («Въ чемъ моя Вѣра?»).

Что же перевернуло его пониманіе? Это было, какъ онъ самъ призналъ, внимательное чтеніе Евангелія, Нагорной проповѣди:

«Мѣсто, которое было для меня ключомъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мѳ. ст. 39: «Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злому». Я вдругъ въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ — не то что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала передо мной во всемъ ея значеніи. «Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злому». Слова эти показались мнѣ вдругъ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде». («Въ чемъ моя Вѣра»?).

Здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію Толстовскаго построенія. Важна не самая мысль «не противиться злому»;

принципъ «непротивленія» важенъ какъ оселокъ для пониманія Христова ученія; онъ доводитъ это ученіе до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, практической обнаженности, при которыхъ не остается мѣста неполному пониманію. Именно этотъ принципъ открываетъ истинный смыслъ заповѣди и о раздачѣ имѣнія нищимъ, и о подставленіи щеки обидчику и т. п. Толстой говоритъ:

«Положеніе о непротивленіи злому есть положеніе, связующее все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ.

«Оно есть точно ключъ, отпирающій все, но только тогда, когда ключъ этотъ просунутъ до замка. Признаніе этого положенія за изреченіе, невозможное къ исполненію безъ сверхъестественной помощи, есть уничтоженіе всего ученія. Какимъ же, какъ не невозможнымъ, можетъ представляться людямъ то ученіе, изъ котораго вынуто основное, связующее все положеніе». («Въ чемъ моя Вѣра»?).

Еще важнѣе другое; вся Нагорная проповѣдь, включая въ нее «непротивленіе», воспринята Толстымъ не какъ идеалъ, на этой землѣ недостижимый, а какъ разумное, практическое осуществимое здѣсь на землѣ правило поведенія. Оригинальность Толстого въ томъ, что слова Христа онъ понялъ буквально, и понялъ не какъ предписаніе Бога, которое нужно безпрекословно принимать к ъисполненію, а какъ человѣческій совѣтъ, который можно и объяснить и оправдать разумомъ, подчиненіе которому должно привести къ благополучію и счастью здѣсь на землѣ.

Ученіе Толстого о непротивленіи общеизвѣстно. О немъ знаютъ даже въ гостиныхъ. То, что меньше извѣстно, а между тѣмъ необходимо для его пониманія — это связь между «Исповѣдью» и «Вѣрой», между основнымъ вопросомъ жизни, который поставленъ въ «Исповѣди» и отвѣтомъ на него, который Толстой далъ въ своей «Вѣрѣ». Вѣдь если ученіе Христа должно дать людямъ счастье здѣсь на землѣ, нужно это умѣть показать и доказать. Доказательство этого является метафизической основой его

ученія, главной его оригинальностью; оно изложено въ «Вѣрѣ», а позднѣе съ большей подробностью въ спеціальномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «О Жизни».

Въ чемъ безсмыслица жизни, съ которой боролся Толстой? Она въ неизбѣжности смерти, т. е. въ уничтоженіи личной жизни; пока живетъ человѣкъ, онъ противополагаетъ свою личную жизнь жизни другихъ; а когда приходитъ пора умереть, исчезаетъ только его личная жизнь, жизнь же другихъ остается. Это исчезновеніе того, чѣмъ и для чего жилъ человѣкъ, дѣлаетъ всю его жизнь лишенною смысла, какой-то ненужной и преходящей случайностью. Таковъ исходный пунктъ Толстого, содержаніе «Исповѣди». Эту безсмыслицу устранила религія тѣмъ, что превратила нашу личную жизнь въ безконечную, обѣщавъ намъ продолженіе жизни за гробомъ; по ученію религіи — смерть не конецъ всякой жизни; уничтожается только тѣло, душа продолжаетъ существовать, а въ душѣ, т. е. въ сознаніи лежитъ сущность человѣческой жизни. Роковое противорѣчіе между земной личной жизнью и смертью исчезаетъ при такомъ пониманіи, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и безсмыслица жизни. Этого церковнаго объясненія Толстой не могъ себя заставить принять; но, изучая текстъ Евангелія, онъ пришелъ къ неожиданному для себя заключенію, что и Христосъ этого не говорилъ. Толстой нашелъ, что всѣ тѣ мѣста, на которыхъ построено это ученіе Церкви, либо ошибочная интерпретація словъ Евангелія, либо позднѣйшія въ него вставки; ни безсмертію души, ни воскресенію послѣ смерти самъ Христосъ не училъ. Но зато Христосъ говорилъ людямъ другое; онъ уничтожалъ безсмыслицу, происходящую отъ конечности нашей жизни въ другомъ направленіи; училъ противопоставлять не личную конечную жизнь своей же личной безсмертной, а свою личную жизнь жизни общей. Смерть убиваетъ только личную жизнь; общая жизнь остается. Если человѣкъ хочетъ получить смыслъ въ своей жизни онъ долженъ уничтожить это противопоставленіе между собой и другими,

долженъ перестать противополагать себя и свою личную жизнь жизни общей; онъ долженъ жить не собой, не для себя, а жить для другихъ, жить другими такъ, какъ мать живетъ не для себя, а для ребенка; онъ долженъ устранить изъ жизни все, что питаетъ противопоставленіе между собой и другими. Когда наша личная жизнь дѣйствительно превратится для насъ въ общую жизнь, исчезнетъ и безсмыслица смерти, появится такой смыслъ жизни, который никакой смертью не уничтожится. Ученіе Христа о любви къ людямъ, отрицающее и собственность и сопротивленіе злу, указываетъ, какими путями можно превращать нашу личную жизнь въ общую жизнь, какъ уничтожить зло смерти, вернуть земной жизни тотъ ея смыслъ, который уже не будетъ больше зависѣть отъ смерти.

Вотъ что Толстой нашелъ въ ученіи Христа:

«Все ученіе Христа въ томъ, чтобы ученики Его, понявъ призрачность личной жизни, отреклись отъ нея и переносили ее въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь сына человѣческаго. Ученіе же о безсмертности личной души не только не призываетъ къ отреченію отъ своей личной жизни, но навѣки закрѣпляетъ эту личность». («Въ чемъ моя Вѣра»?).

Ученіе Христа даетъ максимумъ блага въ жизни земной.

«Христосъ, любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности такъ же, какъ любя людей, учитъ ихъ воздержанію отъ драки и пьянства. Онъ говоритъ, что живя безъ отпора другимъ и безъ собственности, люди будутъ счастливѣе, и своимъ примѣромъ жизни подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по Его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ разсчитывать ни на одинъ часъ своей жизни»...

«Больше ли у меня непріятностей, раньше ли я умру, исполняя ученіе Христа, мнѣ не страшно. Это можетъ быть страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думаетъ, что онъ не умретъ. Но я знаю, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья естьвеличайшая глупость и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру. И потому мнѣ

совсѣмъ не можетъ быть страшно. Я умру такъ же, какъ и всѣ, такъ же, какъ и неисполняющіе ученія; но жизнь моя и смерть будутъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ, — а этому-то и училъ Христосъ». («Въ чемъ моя Вѣра»?).

Таково въ краткихъ чертахъ метафизическое построеніе Толстого, которое позволило ему сочетать невѣріе въ Бога, въ безсмертіе души и въ загробную жизнь съ принятіемъ ученія Христа, какъ учителя жизни. Въ этомъ пунктѣ заблуждаться не нужно. Толстой часто употребляетъ обычную терминологію; говоритъ о религіи, о Богѣ, даже объ Отцѣ жизни, о безсмертіи и т. п. Но смыслъ, который онъ вкладываетъ въ эти слова — соотвѣтствуетъ его метафизикѣ, исключаетъ признаніе Христа — Богомъ; если бы я считалъ Христа не человѣкомъ, а Богомъ, говорилъ не разъ Толстой, Христосъ потерялъ бы для меня все свое обаяніе.

Это ученіе дало Толстому успокоеніе, побѣду надъ смертью; ему онъ остался вѣренъ до конца жизни; но этимъ ученіемъ онъ совершенно разорвалъ не только съ церковью, но и со всѣмъ міромъ.

Во-первыхъ, онъ разошелся съ Церковью; раньше, въ «Исповѣди», онъ признавалъ, что церковная дѣтская вѣра даетъ смыслъ человѣческой жизни и только жалѣлъ, что не можетъ ее въ себѣ воскресить. Теперь онъ перешелъ въ нападеніе; онъ сталъ обвинять церковное ученіе въ томъ, что оно скрыло отъ людей тотъ очевидный смыслъ жизни, который былъ имъ указанъ Христомъ, что оно своимъ церковнымъ обманомъ исказило Христа:

«Ужасно сказать: не будь вовсе ученіе Христа соединено съ церковнымъ ученіемъ, выросшимъ на немъ, то тѣ, которые теперь называются христіанами, были бы гораздо ближе къ ученію Христа. т. е. къ разумному ученію о благѣ жизни, чѣмъ они теперь».

Прежде Толстой заставлялъ себя исполнять церковные обряды, хотя въ нихъ не вѣрилъ; онъ видѣлъ въ нихъ общепринятый способъ возбуждать въ человѣческой душѣ

хорошія чувства и помогать сливаться съ народомъ. Теперь тѣ-же обряды показались Толстому орудіемъ лжи и обмана, ухищреніемъ, направленнымъ къ тому, чтобы скрыть отъ людей то, что Христосъ имъ открылъ, пріемомъ, которымъ Церковь старается спасти отъ ученія Христа существующій въ мірѣ старый языческій строй.

Прежде, при причащеніи , въ которое Толстой больше не вѣрилъ, онъ чувствовалъ въ себѣ фальшь, стыдился ея и только утѣшалъ себя тѣмъ, что, принуждая себя къ причащенію онъ борется съ собственной гордостью. Такъ говорилъ онъ о причащеніи въ «Исповѣди»; теперь къ тому же причащенію онъ сталъ относиться съ такимъ озлобленіемъ, что въ своемъ «Воскресеньи» описалъ сцену причастія такъ, что оскорбилъ чувства не только искренно вѣрующихъ.

Отношеніе Толстого къ Церкви перемѣнилось; онъ сталъ обвинять ее въ томъ, что она отняла настоящаго Христа у людей, исказила ученіе, которое должно было міръ переродить и открыть людямъ счастье на этой землѣ. Вмѣсто того, чтобы бороться съ міромъ во имя Христа, Церковь подчинилась этому міру, освятила авторитетомъ Христа злодѣянія міра. «Вышло, говоритъ Толстой, что людская жизнь пошла независимо отъ ученія церкви, и церковь за это получила возмездіе. Государство авторитетъ церкви использовало, а затѣмъ окрѣпши, устранило самую церковь, какъ учрежденіе никому болѣе не нужное и построило жизнь исключительно на усмотрѣніи и велѣніяхъ государственной власти».

Если Толстой осудилъ Церковь и ея ученіе, то и Церковь на Толстого напала. Она стала, во-первыхъ, доказывать, что не она, а Толстой исказилъ Евангеліе, передѣлалъ Христа на свой ладъ, исключилъ изъ Евангелія то, что ему въ немъ не понравилось; ученые, богословы, спеціалисты открывали ошибки въ утвержденіяхъ и выводахъ Толстого, упрекали его въ недостаточномъ знакомствѣ съ литературой предмета, въ диллетантизмѣ. Во всемъ этомъ вѣроятно была доля правды.

Но люди церковнаго настроенія имѣли еще гораздо болѣе благодарную почву въ нападеніи на Толстовскую метафизику, на то его построеніе, которымъ онъ хотѣлъ замѣнить ученіе Церкви. Вѣчный споръ вѣры съ невѣріемъ, споръ, элементы котораго мы находимъ уже въ «Карамазовыхъ», съ большой глубиною и ясностью, хотя въ совершенно популярномъ, даже салонномъ изложеніи можно найти въ блестящемъ этюдѣ Владиміра Соловьева — «Три разговора». Соловьевъ въ немъ сумѣлъ изложить всю сущность этого спора. Въ свѣтской гостиной встрѣтились толстовецъ - князь, представитель «дѣтской» вѣры — генералъ, типичный образчикъ позитивнаго ученія міра — политикъ, бывшій посланникъ и, наконецъ, церковникъ, г. Z. Послѣднія три лица глубоко между собой различные, каждый со своей точки зрѣнія, но всѣ одинаково напали на злополучнаго толстовца, на князя. Церковная точка зрѣнія, т. е. невозможность принять Христово ученіе, если Христосъ человѣкъ, а не Богъ, изложена г-мъ Z:

«г. Z. Безъ вѣры въ совершившееся воскресеніе **Одного** и безъ чаянія будущаго воскресенія **всѣхъ** можно только на словахъ говорить о какомъ-то Царствіи Божіемъ, а на дѣлѣ и выходитъ одно царство **смерти**».

Та-же самая мысль болѣе грубо, юмористическимъ языкомъ повторяется и «политикомъ»; «Вы утверждаете, говоритъ онъ князю, что смерть все уничтожаетъ и будто тѣмъ не менѣе Вы на землѣ должны собой жертвовать. исполняя чье-то велѣніе». И онъ заключаетъ:

«Ну, я службы безъ **жалованья** не понимаю, и если оказывается, что жалованье всѣмъ одно — **смерть**, **je vous présente mes compliments**».

Наконецъ, генералъ даетъ такую общую оцѣнку ученію князя:

«Въ давнія времена христіанство кому было непонятно, кому ненавистно; но сдѣлать его отвратительнымъ и смертельно-скучнымъ — это лишь теперь удалось».

Генеральская оцѣнка вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что объ этомъ ученіи думалъ и самъ Соловьевъ. Въ предисловіи онъ приравниваетъ Толстого къ сектѣ «дыромоляевъ»; обвиняетъ его въ томъ, что онъ отнялъ у христіанства весь его смыслъ, все его обаяніе:

«Христіанство безъ Христа и Евангеліе, то-есть благая вѣсть, безъ того блага, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго **воскресенія** въ полноту блаженной жизни, — есть такое же пустое мѣсто, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ».

Такъ въ беллетристической формѣ затронутъ капитальный вопросъ, который лежитъ въ основѣ трагедіи всей дальнѣйшей жизни Толстого, вопросъ — возможно ли такое ученіе, какъ Христово, т. е. проповѣдь не справедливости, не «любви къ ближнему, какъ къ себѣ», не равнаго ко всѣмъ отношенія, а проповѣдь уничтоженія собственной личности, систематическаго пожертвованія собой для другихъ, возможно ли такое ученіе принять не какъ велѣніе Бога, а какъ разумное устройство человѣческой жизни?

Но Толстой своимъ ученіемъ разошелся не только съ Церковью; еще больше разошелся онъ съ міромъ, разошелся такъ глубоко, что онъ и міръ не сразу замѣтили всю глубину ихъ разрыва.

Міръ построилъ свою жизнь на другихъ основаніяхъ; онъ мірскими благами не пренебрегалъ, земной жизнью не тяготился. Онъ къ этимъ благамъ стремился и потому совѣтъ «не сопротивляться» тому, кто эти блага у него отнимаетъ, казался ему простымъ парадоксомъ. Для защиты мірскихъ благъ и цѣнностей было создано само государство; мы, люди міра, не мыслимъ человѣка внѣ общежитія, общежитія внѣ государства, а государства безъ права насилія. Все оправданіе государства, его raison d'être въ этомъ правѣ насилія, направленномъ къ благу людей; лишить государство этого права было равносильно добровольному подчиненію злу. Понять подобное требованіе міръ просто не могъ и къ такой проповѣди отнесся съ насмѣшкой.

Это пренебрежительное отношеніе міра къ выстраданному Толстымъ ученію непротивленія характерно выразилось въ томъ же сочиненіи Соловьева; князь-толстовецъ изображенъ тамъ человѣкомъ убогимъ, который говоритъ однѣ пошлости; его ученіе побѣдоносно уничтожается шуткой Алексѣя Толстого о Деларю:

«Вонзилъ кинжалъ убійца-нечестивый
«Въ грудь Деларю
«Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
«Благодарю и т. п.».

Но сочиненіе Соловьева интересно съ другой стороны; Соловьевъ вышутилъ толстовца потому, что хотѣлъ его вышутить; но самъ того не замѣчая и во всякомъ случаѣ того не желая, онъ вышутилъ и то легкомысліе, съ которымъ міръ отнесся къ Толстому; это характерно выразилось въ слѣдующемъ діалогѣ:

Князь. — «Ну, это ужъ совсѣмъ что-то непонятное... А, впрочемъ, догадываюсь: вы разумѣете тотъ знаменитый случай, когда въ пустынном ъмѣстѣ какой-нибудь отецъ видитъ разъяреннаго мерзавца, который бросается на его невинную(для большаго эффекта прибавляютъ еще малолѣтнюю) дочь, чтобы совершить надъ нею гнусное злодѣяніе, и вотъ несчастный отецъ, не имѣя возможности иначе защитить ее, убиваетъ обидчика. Тысячу разъ слыхалъ этотъ аргументъ».

Г. — «Замѣчательно, однако, не то, что вы тысячу разъ его слыхали, а то, что никто ни одного разу не слыхалъ отъ вашихъ единомышленниковъ дѣльнаго или хоть сколько-нибудь благовиднаго возраженія на этотъ простой аргументъ».

Это справедливо и мѣтко. И на этотъ аргументъ, неотразимый съ точки зрѣнія міра, дѣйствительно никто не могъ бы привести благовиднаго возраженія; когда князь-толстовецъ пытается возражать, что примѣръ этотъ искусственный, нарочно придуманный, хозяйка дома справедливо говоритъ ему «съ укоризной»—ай-ай, а генералъ «иронически»—а-га-га. Въ самомъ дѣлѣ аналогичные примѣры безчисленны. Помню примѣръ, какъ будто нарочно для

этого созданный. Я жилъ въ своей молодости въ одной толстовской колоніи, въ которой тѣ, кто считалъ себя последователями Толстого, пытались по его ученію организовать правильныя соціальныя отношенія, обходясь въ то же самое время безъ принужденія. Мужики сосѣдней деревни узнавъ, что новые хозяева злу не противятся, рѣшили этимъ воспользоваться; сначала одинъ болѣе предпріимчивый и безстыдный, а за нимъ и остальные стали просить у нихъ того, что было имъ нужно; ободренные первымъ успѣхомъ, стали забирать все, что имъ нравилось, уже безъ позволенія; уводили со двора лошадей, уносили инструменты, телѣги, домашнюю утварь, рубили лѣсъ, снимали съ полей хлѣбъ. И когда несчастные толстовцы на эти акты насилія отвѣчали убѣжденіями и увѣщаніями, они смѣялись; вмѣстѣ съ ними смѣялись и всѣ; по дѣломъ; дѣйствительно, это было смѣшно и міръ справедливо могъ зубоскалить. Вл. Соловьевъ былъ правъ.

Но съ другой стороны это банальное возраженіе показывало такое полное непониманіе Толстого, такую пропасть въ исходной точкѣ зрѣнія ученія его и міра, свидѣтельствовало о такомъ безнадежномъ разномысліи, что дальнѣйшій споръ на такой почвѣ былъ совершенно безплоденъ; князю только и оставалось, что махнуть рукой и сказать своему собесѣднику: «тысячу разъ я слыхалъ такой аргументъ». Когда Соловьевъ вкладывалъ эти слова въ уста князя, онъ, по французскому выраженію,—**ne croyait pas si bien dire**.

Міровоззрѣніе Толстого нельзя дробить по частямъ, нельзя выхватывать изъ него одну мысль, не считаясь съ точкой зрѣнія, которая ее породила; нельзя представлять жизнь по ученію міра, по взглядамъ міра и его оцѣнкѣ вещей и эту жизнь по ученію міра защищать толстовскими принципами непротивленія.

Вл. Соловьевъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что тѣ блага, которыя нельзя защищать безъ насилія, что эти блага съ точки зрѣнія Толстого, сами по себѣ вовсе не блага.

Если мы считаемъ собственность благомъ необходи-

мымъ для устройства нашей личной жизни или для общественнаго порядка (а мы всѣ такъ на это глядимъ и разнимся между собой только въ деталяхъ; сами толстовцы, устраивая для себя земледѣльческія колоніи, стояли на той же мірской точкѣ зрѣнія); если мы собственностью дорожимъ, мы ее не можемъ уступать безъ сопротивленія тому, кто будетъ ее отнимать. Мы не можемъ не противиться этому злу; точно также мы не можемъ послѣдовать и завѣту Христа, отдать кафтанъ, когда просятъ рубашку; мы не можемъ исполнить и его главной заповѣди раздать всю собственность нищимъ. Какъ завѣты Христа, такъ и ученіе Толстого въ этомъ случаѣ равно непримѣнимы; въ условіяхъ жизни міра въ нихъ нѣтъ спасенія, а одинъ безпорядокъ. Но если считать вмѣстѣ съ Толстымъ, что собственность есть зло, ибо насъ отдаляетъ отъ міра, препятствуетъ единенію съ нимъ, мѣшаетъ превращенію личной жизни въ жизнь общую, если быть согласнымъ съ Толстымъ, который несмотря на владѣніе собственностью, а можетъ быть именно благодаря этому владѣнію, считалъ жизнь безсмыслицей и искалъ отъ нея спасенія въ смерти, — если мы съ нимъ въ этомъ согласны, то будетъ ли что-нибудь странное въ проповѣди непротивленія, т. е. въ добровольной отдачѣ этой постылой собственности тому, кто ея только захочетъ?

Возьмемъ другія блага и цѣнности; Христосъ велитъ подставлять лѣвую щеку тому, кто ударилъ по правой. Если я способенъ страдать отъ обиды мнѣ нанесенной, то подобный отвѣтъ на обиду для меня невозможенъ; и міръ не напрасно защищаетъ себя отъ обидъ другими пріемами. Но если я могу подняться до той высоты, на которую зоветъ насъ Христосъ, если я буду не страдать отъ обиды, а искренно жалѣть того несчастнаго, которому причиненіе мнѣ обиды можетъ доставлять удовольствіе, если я, какъ Христосъ, буду молиться за тѣхъ слѣпыхъ и неразумныхъ, кто меня обижаетъ, если я понимаю безсмыслицу ихъ глупой забавы, будетъ ли для меня странна и ужасна заповѣдь непротивленія?

Возьмемъ главное благо-жизнь; ее всѣ оберегаютъ. Но

если подобно Толстому, понять безсмысленность жизни, если подобно ему, въ моментъ обладанія всѣми благами жизни, добровольно искать отъ нея спасенія въ смерти, будетъ ли странно, что для продленія этой безсмысленной жизни мы не станемъ прибѣгать къ насилію надъ другими? Историки разсказываютъ, что въ древнемъ Римѣ, въ эпоху гоненія христіанамъ давали въ руки оружіе, чтобы они боролись другъ съ другомъ, защищали себя противъ гладіаторовъ. Христіане бросали оружіе, не защищались. Древній міръ и негодовалъ и смѣялся надъ этою глупостью; онъ, казалось, былъ правъ. Но когда мы понимаемъ теперь ихъ мотивы и ихъ настроеніе, кажется ли намъ смѣшнымъ, что они не хотѣли на потѣху толпы, насиліемъ надъ другими протянуть свою жизнь до слѣдующаго представленія въ циркѣ?

Всѣ подобныя возраженія бьютъ мимо цѣли. Ученія Толстого они не касаются. Того, кто принимаетъ его исходную точку, такими доводами нельзя сбить съ позиціи. Если на его точку зрѣнія стать, логически приходится принять все остальное; возраженія противъ Толстого должны поэтому направляться не противъ выводовъ, а противъ исходной точки зрѣнія.

Но эта точка зрѣнія была настолько міру чужда, что міръ ея и не понялъ. Міръ, который творитъ мірскія блага и ихъ цѣнитъ, создалъ культуру и ею дорожитъ, придумалъ государство, чтобы его защищать и внѣ его жизни не понимаетъ, этотъ міръ на ученіе о непротивленіи смотрѣлъ какъ на парадоксъ, на чудачество, къ которому нельзя относиться серьезно.

Ученіе Толстого, съ его непротивленіемъ злу и съ его пренебреженіемъ къ мірскимъ благамъ, было такъ чуждо міру, что ему не показалось даже опаснымъ; міръ бралъ изъ него то, что ему въ немъ понравилось, каждый по своему вкусу и усмотрѣнію, пренебрегая всѣмъ остальнымъ.

Одни усмотрѣли въ этомъ ученіи только обличеніе богатыхъ, счастливыхъ и сильныхъ и не задаваясь вопросомъ, почему Толстой ихъ обличалъ, зачислили его въ раз-

рядъ революціонеровъ. И мы получили тотъ парадоксъ, что не только большевики его покрыли почетомъ, который столько бы его возмутилъ, но и другіе стали въ немъ видѣть отца Революціи. Другіе въ непротивленіи злу справедливо увидали отрицаніе революціонныхъ насилій и стали во имя Толстого осуждать революціи, защищая существующій строй. Третьи и тоже вполнѣ справедливо замѣтили въ Толстомъ равнодушіе къ политической дѣятельности, къ измѣненію государственныхъ формъ, признаніе ихъ равноцѣнности и стали авторитетомъ Толстого осуждать всякую надежду принести человѣчеству благо на пути политической дѣятельности. Четвертые обратили вниманіе на его борьбу съ Церковью, съ церковнымъ ученіемъ и не понимая, что Толстой есть религіозная натура par excellence, что несмотря на невѣріе онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь сдѣлалъ для возрожденія религіознаго чувства, стали видѣть въ немъ врага всѣхъ религій; наконецъ послѣдніе не замѣтили ничего, кромѣ внѣшности, перемѣны костюма, пищи и языка и создали ту особую разновидность «толстовцевъ», которую Вл. Соловьевъ осмѣялъ въ лицѣ «князя».

Все, что міръ извлекъ изъ Толстого, было очень неново, было давно всѣмъ знакомо и даже испытано; оно не могло бы поэтому ни въ комъ вызвать ни одушевленія, ни энтузіазма. Почему же ученіе Толстого, за которымъ никто не пошелъ и которое такъ мало поняли, все же до такой степени міръ потрясло? И почему міръ, не идя за этимъ ученіемъ, все-же поклонился учителю? Отвѣтъ на это я постараюсь дать, когда буду говорить о жизни Толстого.

II.

Въ этой части доклада «о жизни Толстого» я не собираюсь разсказывать его біографію; я хочу только показать, какъ его ученіе отразилось на жизни. И здѣсь одно сомнѣніе. Общеизвѣстно, что у самого Толстого жизнь расходилась съ ученіемъ. Можетъ казаться, что въ день его по-

минанія этого щекотливаго вопроса лучше не трогать. Я думаю наоборотъ, что именно уваженіе къ его памяти заставляетъ поставить этотъ вопросъ. Во-первыхъ, человѣка такого размѣра никакая правда умалить не можетъ; во-вторыхъ, «противорѣчія» всегда цѣнны для пониманія; часто лучшій способъ, чтобы понять, — постараться разгадать «противорѣчіе». А, наконецъ, въ данномъ случаѣ противорѣчія не укоръ его личности, объясняются не его малодушіемъ или слабостью, а свойствомъ ученія.

Слабое мѣсто ученія въ томъ, что свои личныя переживанія Толстой клалъ въ основу ученія для всего міра; а эти переживанія не всегда были свойственны міру; Толстой не похожъ на другихъ.

Кто не задумывался надъ перспективой смерти, не считалъ въ иныя минуты, что она жизнь превращаетъ въ безсмыслицу? Не спрашивалъ ли самъ Пушкинъ, зачѣмъ дана ему жизнь «даръ напрасный, даръ случайный»? Не называлъ ли ее Лермонтовъ «пустою и глупою шуткою»? Эти пессимистическіе мотивы всѣмъ вѣдомы; но кто дѣлалъ изъ нихъ тѣ выводы, что Толстой? Поддавшись другимъ впечатлѣніямъ жизни, Пушкинъ отъ своихъ словъ отрекся, объявилъ ихъ «изнѣженными звуками безумства, лѣни и страстей»; объяснялъ ихъ тѣмъ, что они родились, «въ часы забавъ и праздной скуки». А Толстой, переживъ то-же настроеніе, уже не могъ отъ него отдѣлаться и изломалъ всю свою жизнь, борясь съ этимъ чувствомъ.

Кто не умилялся завѣтамъ Христа, не поддавался очарованію его проповѣди? Но практическихъ выводовъ изъ этого никто не дѣлаетъ, и жизнь идетъ по мірскимъ пониманіямъ. Иное дѣло Толстой. Я не знаю для этого иллюстраціи болѣе красочной, какъ его письмо Александру III, по поводу цареубійцъ 1-го марта. Можно быть безусловнымъ противникомъ смертной казни и не допускать ея ни для кого. Но Толстой сталъ молить Александра о полномъ прощеніи во имя Христа. Вотъ отрывокъ изъ его письма:

«Простите, воздайте добромъ за зло ,и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

«Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ со словами вверху: «а Я говорю: любите враговъ своихъ», не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ...

«...Да что я говорю: «не знаю, что другіе». Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ».

Тотъ, кто могъ такъ говорить и надѣяться на результатъ этой просьбы, очевидно, имѣлъ право вѣрить, что жизнь по Христовымъ завѣтамъ возможна. И Толстой въ это вѣрилъ; но люди не таковы; такой просьбы Толстого никто въ серьезъ не принялъ бы. Мірская психологія совершенно иная и потому среди обыкновенныхъ людей проповѣдь Толстого о непротивленіи являлась проповѣдью собственной гибели.

Толстой это понималъ, но это его не смущало; у него на это готовый отвѣтъ; онъ весь цѣликомъ въ его «Исповѣди». Вѣдь ученіе Толстого вытекло изъ того, что въ мірской жизни нѣтъ ни смысла, ни радости; отъ этой жизни онъ хотѣлъ спастись самоубійствомъ. Если такъ, то какъ же перспектива возможной гибели могла его испугать? И Толстой ясно говоритъ въ своей «Вѣрѣ»:

«Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученіе Христа, говорятъ обыкновенно, — стану исполнять его, буду отдавать то, что имѣю, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы идти присягать и воевать, меня оберутъ и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь». («Въ чемъ моя **Вѣра»**?).

Такъ формулируетъ Толстой это обычное возраженіе и вполнѣ послѣдовательно отвѣчаетъ на это:

«Христосъ предлагаетъ Свое ученіе о жизни, какъ спасеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя Его уче-

нію, и вдругъ я говорю, что я бы и радъ послѣдовать Его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь, Христосъ учитъ спасенію отъ погибельной жизни, а я жалѣю эту погибельную жизнь. Стало быть, я считаю эту свою жизнь вовсе не погибельной, считаю эту жизнь чѣмъ-то дѣйствительнымъ, мнѣ принадлежащимъ и хорошимъ».

Все это логично; въ этомъ пунктѣ Толстой неуязвимъ. Но міръ разсуждалъ не такъ; міръ дорожилъ жизнью, дорожилъ земными благами, не считалъ мірскую жизнь гибельной; для него проповѣдь непротивленія была потому непонятна. Ученіе Толстого, логичное для него, съ его исходною точкою, для обыкновенныхъ людей не годилось; оно было ученіемъ не для міра сего.

Сближалось ли оно въ этомъ съ ученіемъ Христа? Христосъ тоже училъ, что его царство «не отъ міра сего». Но церковное пониманіе Христіанства дало ему другое царство. Это другое царство Толстой отрицалъ; онъ превратилъ Христово ученіе въ ученіе для міра сего, всѣмъ доступное, думалъ, что оно уже на землѣ дастъ людямъ счастье. Этимъ Толстой обезоружилъ себя передъ тѣми возраженіями противниковъ Христова ученія, на которыя Церковь имѣла отвѣтъ.

Христосъ погибъ на крестѣ; для Церкви это величественная картина христіанской мистики, тайна искупленія и воскресенія — побѣда добра. Для невѣрія смерть Христа простая картина гибели за свои убѣжденія; она трогательна и поучительна, но это все же побѣда зла надъ добромъ.

Въ эпоху гоненій гибли послѣдователи Христа. Съ точки зрѣнія церковной это было тоже побѣдой, воскрешеніемъ людей въ вѣчную счастливую жизнь; съ точки зрѣнія невѣрія это побѣда зла и жестокости.

Преимущества ученія Церкви стали еще яснѣе тогда, когда ученіе Христа побѣдило и изъ революціоннаго ученія, за которое казнили, стало государственнымъ ученіемъ, на которомъ строился міръ. Оно стало тогда «ученіемъ міра сего» и его обычную судьбу унаслѣдовало.

Съ нимъ случилось то, что бываетъ всегда, когда оппозиція становится властью; новая власть пользуется тѣмъ, противъ чего въ свое время боролась. И христіанство использовало своихъ прежних ъвраговъ — іудаизмъ, который создалъ теократію, и язычество, которое создало государство. Христіанство стало черезъ эти учрежденія міра принудительно осуществлять то, что въ его ученіи было совмѣстимо съ людскимъ общежитіемъ. Такъ открылось необъятное поле для исправленія существующей жизни ученіемъ Христа. Но это ученіе стало тогда сообразовываться со слабостями человѣческой природы, съ потребностями организованнаго общежитія и свой прежній характеръ утратило. Г о с у д а р с т в о не могло строить жизни на непротивленіи злу, на подставленіи щеки обидчику и раздачѣ имѣній нищимъ. Христіанство не отказалось совершенно отъ этихъ завѣтовъ Христа; но стало т о л к о в а т ь ихъ иначе. Эти завѣты превратились въ идеалъ, который осуществляется жизнью не одного человѣка и не одного поколѣнія, а процессомъ исторіи. Практическая же земная жизнь общества стала строиться на другихъ основаніяхъ.

Какъ бы ни смотрѣть на оффиціальное христіанство и на его отношеніе къ подлинному Христу, для невѣрія только т а к а я интерпретація Христа была возможной. Она о д н а могла совмѣстить Христа съ практической жизнью, использовать его ученіе для мірской жизни, основанной на прежнихъ началахъ. И здѣсь любопытное противорѣчіе; только Церковь, видящая въ Христѣ Бога, вѣрующая въ загробную жизнь, въ возмездіе за гробомъ, только Церковь могла бы учить, что завѣты Христа подлежатъ немедленному и буквальному исполненію. Только она могла обѣщаніемъ благъ за гробомъ примирить людей съ гибелью на этой землѣ; только она могла бы не смущаться тѣмъ, что б у к в а л ь н о е исполненіе завѣтовъ Христа разрушаетъ жизнь на землѣ, государство, культуру, всякій внѣшній порядокъ. Но какъ разъ Церковь этого не сдѣлала; именно она сообразовалась со свойствами и слабостями человѣка, она приспосо-

била къ нимъ ученіе Христа, какъ приспособила то-же ученіе къ потребностямъ и условностямъ государственной жизни. А Толстой, который не считалъ Христа Богомъ, не вѣрилъ въ загробную жизнь и въ возмездіе, Толстой, который находилъ, что счастье должно быть непремѣнно здѣсь на землѣ, Толстой ни съ обыкновенной человѣческой природой, ни съ потребностями разумнаго общежитія считаться не сталъ. Отнявъ у людей вѣру, которая одна могла бы ихъ примирить съ буквальнымъ исполненіемъ завѣтовъ Христа, онъ настаивалъ все-таки на безусловномъ принятіи ихъ.

Въ этомъ пунктѣ главное своеобразіе Толстого, но и его главная слабость, основное противорѣчіе; будучи невѣрующимъ, стоя на почвѣ невѣрія, Толстой проповѣдывалъ людямъ тѣ правила жизни, которыя можно оправдать только экзальтаціей вѣры.

Это основное противорѣчіе легко обнаружить на каждомъ шагу его жизни.

И я сразу перейду къ деликатному пункту, въ которомъ обыкновенно упрекаютъ Толстого; зачѣмъ онъ не роздалъ своего имѣнія нищимъ, не разстался съ семьей, не ушелъ изъ дому, какъ это сдѣлалъ передъ самой смертью? Этотъ пунктъ очень удобенъ для нападенія. Толстой самъ чувствовалъ, что, отдавъ имущество своей семьѣ, онъ сдѣлалъ не то, что ему сдѣлать хотѣлось. Если мы не поймемъ причинъ этого, мы не поймемъ и драмы Толстого. Если кто либо думаетъ, что Толстой такъ поступилъ изъ-за нежеланія разстаться съ имуществомъ, изъ-за того, что цѣнилъ свой комфортъ — спорить не стоитъ; тотъ, кто такъ объясняетъ Толстого, не пойметъ не только его, но и проблемы, которую онъ себѣ ставилъ.

Другіе критики Толстого вопросъ брали глубже; въ своей интересной книгѣ о Толстомъ и Достоевскомъ Д. С. Мережковскій не обошелъ этого пункта; онъ недоумѣваетъ, какъ Толстой могъ отказаться отъ подвига, который стоялъ передъ нимъ:

«Мы знаемъ, какъ поступали въ такихъ-же точно случаяхъ христіанскіе подвижники прошлыхъ вѣковъ. Когда Пьетро Бернардоне,

отецъ св. Франциска Ассизскаго, подалъ епископу жалобу, обвиняя сына въ томъ, что онъ расточаетъ имѣніе, хочетъ раздать его бѣднымъ, Францискъ снялъ съ себя одежду до послѣдней рубашки, сложилъ платье вмѣстѣ съ деньгами къ ногамъ отца и ушелъ».

«Также поступалъ любимый русскимъ народомъ угодникъ, Алексѣй Божій человѣкъ, тайно бѣжавшій изъ родительскаго дома».

«Такъ вотъ, что должно было совершиться: великій писатель русской земли долженъ былъ сдѣлаться подвижникомъ русскаго народа — явленіе небывалое, единственное въ нашей культурѣ — снова найденный религіозный путь черезъ бездну, вырытую петровскимъ преобразованіемъ между нами и народомъ.

«Недаромъ взоры людей съ такою жадностью устремлены на него — не только на все, что онъ пишетъ, но еще гораздо болѣе на все, что онъ дѣлаетъ, на самую частную, внутреннюю, семейную и домашнюю жизнь его».

Эти примѣры можно было бы легко увеличить; цѣлая секта «бѣгуновъ» въ Россіи такъ рѣшала вопросъ. Но Мережковскій упустилъ изъ виду одно: въ этихъ случаяхъ мы всегда имѣемъ дѣло съ людьми, которые въ Христѣ видѣли Бога. Требованіе раздачи имѣнія было для нихъ требованіемъ Бога; ему можно было не подчиняться, предпочтя послушанію земныя удобства; но съ этимъ требованіемъ нельзя было спорить, утверждать, что въ данномъ случаѣ оно непримѣнимо. Людямъ, которые отъ Бога получили велѣніе, нельзя разсуждать о послѣдствіяхъ своего послушанія. Пусть исполненіе Божьей воли причинило бы горе другимъ. Это не возраженіе; вѣдь сказалъ же Христосъ, что онъ принесъ на землю мечъ, а не миръ.

Иное дѣло съ Толстымъ. Для него раздача имѣнія была не велѣніемъ Бога, а разумнымъ ученіемъ, которое должно было принести съ собой счастье; это счастье заключалось въ объединеніи съ міромъ въ общемъ порывѣ добра. Съ точки зрѣнія Толстого раздачу имѣнія можно и должно было обсуждать по тѣмъ результатамъ, къ которымъ она приводила. Для него самого она стала душевной потребностью, должна была принести съ собой радость. Но самые близкіе люди, съ которыми онъ навѣки былъ связанъ, его жена (и мы знаемъ съ какой строгостью Толстой смотрѣлъ на нерасторжимость семьи) не за

себя, а еще болѣе за малолѣтнихъ дѣтей, этой радости не раздѣлила; она огорчалась этимъ желаніемъ мужа, не признавала его и даже грозила противиться. Толстой ее убѣждалъ, но напрасно. Онъ ее убѣдить не сумѣлъ. Несмотря на всю преданность и любовь, жена оставалась на почвѣ ученія міра. Что же было дѣлать Толстому? Использовать свой авторитетъ или даже свое формальное право? Толстой училъ, что цѣнно только то рѣшеніе, которое принимаютъ *безъ принужденія*. Когда его спрашивали, идти ли на военную службу, онъ всегда отвѣчалъ, что надо идти. Вѣдь если въ человѣкѣ есть сомнѣніе, значитъ, онъ еще не готовъ для этого подвига; не надо браться за тяжесть, которая не по силамъ. Тотъ, кто созрѣлъ для отказа отъ службы, спрашивать совѣта не станетъ. Но въ данномъ исключительномъ случаѣ все, что Толстой могъ сдѣлать въ смыслѣ вліянія, онъ сдѣлалъ, но жена все-таки не поддавалась, спорила съ нимъ, умоляла его. Толстой могъ пренебречь ея просьбами и настроеніемъ, воспользоваться юридическимъ правомъ собственника, тѣмъ, что нашъ законъ дѣтскихъ правъ не охранялъ, — и съ помощью государства отнять у нихъ имущество. Но результаты этого шага были бы обратны тому, чего Толстой отъ него ждалъ; вмѣсто добра онъ вызвалъ бы злыя чувства въ людяхъ наиболѣе близкихъ, разошелся бы съ ними.

Успокоить ли себя тѣмъ, что это зло окупилось бы съ другой стороны, что раздача имѣнія пробудила бы добрыя чувства въ массѣ другихъ людей, въ тѣхъ, кто получилъ бы это имущество? Рѣшить вопросъ по большинству голосовъ и заключить, что количество добра математически превысило бы количество зла?

Но вѣдь было не менѣе ясно, что этого добра быть не могло; радость, которую встрѣтило бы это рѣшеніе въ тѣхъ, кому бы досталось имущество, проистекла бы изъ чувствъ, которыя Толстой добромъ считать и не могъ. Это была бы не христіанская радость любви къ людямъ и сближенія съ ними; она была бы продиктована жадностью, корыстью, любовью къ собственности и житейскому благополучію. Она сопровождалась бы тѣмъ, что эти

чувства обыкновенно рождаютъ: завистью, соревнованіемъ, досадой на тѣхъ, кто получилъ больше и лучше и т. п. Если несомнѣнно было бы зло въ лагерѣ близкихъ, не меньшее зло появилось бы и среди тѣхъ, съ кѣмъ Толстой хотѣлъ сблизиться. У Леонида Андреева въ Анаѳемѣ есть удивительная по глубинѣ картина того, къ чему въ практической жизни приводитъ раздача имѣнія нищимъ. Давидъ Лейзеръ, который это затѣялъ, вызвалъ въ массахъ, которымъ онъ роздалъ имущество, такую злобу и ненависть, что былъ побитъ камнями.

Остановиться на полу-мѣрѣ и просто уйти? Полу-мѣра ничего бы не разрѣшила. Надъ имуществомъ Толстого была учреждена бы опека, все осталось бы по-прежнему, только подъ контролемъ государственной власти; раздачи имѣнія не произошло бы, и упреки, которые дѣлали Толстому, все равно остались бы въ силѣ.

Послѣ мучительныхъ колебаній, Толстой долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Онъ принялъ тотъ выходъ, за который его осуждали. Отъ собственности онъ освободился, но отдалъ имѣніе не міру, не нищимъ, а своей же семьѣ. Такое рѣшеніе ему радости не доставило; онъ сдѣлалъ не то, что хотѣлъ, не то, что было нужно. Онъ могъ огорчаться. Въ маленькомъ эпизодѣ обнаружилась вся слабость «ученія». Все казалось такъ ясно; собственность — зло и несчастье; только Церковь ложнымъ ученіемъ скрывала отъ людей разумность и радостность истинныхъ завѣтовъ Христа. И, однако, несмотря на свой авторитетъ, на любовь къ нему жены, онъ въ этомъ даже ее убѣдить не сумѣлъ. Отказъ отъ имущества, который долженъ былъ пробудить во всѣхъ одну радость, сблизить его съ міромъ, вызвалъ и со стороны его близкихъ и въ мірѣ, который его наблюдалъ, досаду, осужденіе и злорадство. Построеніе Толстого терпѣло крушеніе; это было первымъ предостереженіемъ, которое реальная жизнь давала ему, первымъ случаемъ, въ которомъ Толстой оказался безсиленъ противъ ученія міра. Тотъ, кто въ этой «драмѣ» увидитъ вопросъ о комфортѣ, всей глубины ея не пойметъ.

Жизнь Толстого и въ дальнѣйшемъ была полна такихъ

противорѣчій теоріи. Міръ ихъ не осуждалъ, такъ какъ въ нихъ невозможно было заподозрѣть личныхъ мотивовъ; но отъ этого противорѣчія меньше не стали. Я напомню о нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ.

Кто не знаетъ роли Толстого въ духоборческомъ дѣлѣ? Старая секта, отрицавшая военную службу, — они были давно сосланы на Кавказъ; отказались отъ крайностей и жили тамъ благополучно и мирно. Подъ вліяніемъ случайныхъ событій у нихъ поднялась волна религіознаго чувства; они рѣшили вернуться ко всей строгости вѣры отцовъ и публично сожгли все оружіе. Власть отнеслась къ этому очень сурово. Чтобы предотвратить опасный соблазнъ для другихъ, было поставлено выселить ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и разселить по одиночкѣ въ отдаленныхъ уѣздахъ Кавказа. Имущества ихъ были проданы за безцѣнокъ, они сами всюду разсѣяны и самъ глава ихъ Веригинъ очутился въ Архангельскѣ.

Какъ долженъ былъ бы отнестись къ этому факту Толстой? Духоборы сдѣлали великое дѣло, исполнили завѣты Христа. Ихъ за это постигло несчастье; но развѣ съ точки зрѣнія Толстого это несчастье? Они потеряли имущество, разосланы въ новыя мѣста, словомъ потерпѣли за вѣру; но развѣ не въ этомъ видѣлъ истинное счастье Толстой? Казалось такъ, по теоріи; но Толстой былъ слишкомъ человѣкъ этого міра, слишкомъ понималъ его горести, чтобы успокоиться на такомъ рѣшеніи. Пусть духоборы страдаютъ по-мірски, мірскимъ призрачнымъ горемъ, но они все же страдаютъ; и со всей своей страстностью Толстой бросился имъ помогать. Ему пришлось противорѣчить теоріи, онъ это сдѣлалъ. Онъ рѣшилъ переселить русскихъ духоборовъ въ другую страну. Нужно было разрѣшеніе власти, Толстой добился его. Нужны были деньги, онъ ихъ собралъ. Онъ уже отказался отъ литературной собственности, но, несмотря на это продалъ Марксу свое «Воскресенье» и деньги отдалъ цѣликомъ духоборамъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ; духоборы были перевезены въ Канаду, создали земельную русскую колонію въ ней. Но какой результатъ получился изъ

этихъ стараній, съ точки зрѣнія его ученія? Вполнѣ отрицательный. Духоборы въ Канадѣ стали жить не по завѣтамъ Христа, а по рецептамъ буржуазнаго благополучія; колонія ихъ процвѣла. Старанія Толстого привели только къ тому, что онъ осуждалъ и чѣмъ пренебрегалъ. Но иронія судьбы пошла еще дальше; объ этомъ Толстой не узналъ; но я самъ это видѣлъ. Когда во время войны я проѣзжалъ черезъ Англію, мои знакомые англичане повезли меня посмотрѣть на свой госпиталь; мнѣ показали палату, гдѣ были русскіе добровольцы; отъ нихъ я узналъ, что это дѣти перевезенныхъ сюда духоборовъ, которые на великую войну пошли добровольцами. Вотъ результатъ хлопотъ Толстого мало сходный съ его ученіемъ, но за который Толстого никто не осудитъ.

Возьмемъ Толстого во время голода 91 г. Когда началась общественная дѣятельность по этому поводу, онъ ей не сочувствовалъ; все въ ней ему казалось фальшивымъ; и формы, въ которыхъ она выражалась—устройство увеселеній для сбора денегъ; и дешевый пріемъ примирять совѣсть сытыхъ съ голодною смертью другихъ; сама соціальная сторона этой помощи — ложь филантропіи, претензія привиллегированнаго меньшинства спасать придавленное имъ самимъ большинство. Толстой приготовилъ статью противъ общаго увлеченія. Въ это время близкій другъ Толстого Раевскій пригласилъ его посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ въ одномъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ. Толстой поѣхалъ съ намѣреніемъ, котораго не скрывалъ, увидать подтвержденіе своихъ мыслей о помощи и въ этомъ смыслѣ дополнить статью. Но когда Толстой увидѣлъ на мѣстѣ, что тамъ происходитъ, его отношеніе къ дѣлу перевернулось: отъ своихъ взглядовъ онъ не отрекся; годомъ позже онъ снова ихъ повторилъ. Но его «теорія» не могла устоять передъ голосомъ жизни. Онъ не только не напечаталъ приготовленной статьи, но всѣ дѣла бросилъ, остался съ Раевскимъ, выступилъ съ воззваніемъ къ обществу и сталъ во главѣ самаго грандіознаго почина общественной благотворительности. По своей привычкѣ дѣлать все самому,

онъ объѣзжалъ деревни, переписывалъ ѣдоковъ, собиралъ деньги, распредѣлялъ порціи, словомъ сталъ дѣлать все, что только что осуждалъ по теоріи.

Оба дѣла, на которыя я сейчасъ указалъ, вели Толстого къ конфликту съ пріемами нашей государственной власти. Какъ извѣстно, Толстой былъ совершенно равнодушенъ къ государственнымъ формамъ. Съ точки зрѣнія высоты его идеала всѣ онѣ были одинаково дурны; всѣ основаны на насиліи. Чѣмъ насиліе было благообразнѣе, чѣмъ зло было менѣе явно, тѣмъ отрицательнѣй къ нему относился Толстой; недаромъ изъ всѣхъ видовъ государственной дѣятельности наибольшія нападки Толстого вызывала судебная дѣятельность; именно потому, что здѣсь зло наиболѣе скрыто. Я не разъ слыхалъ отъ него, что самая либеральная республика ничѣмъ не лучше самодержавія. Но когда Толстой столкнулся съ реальностью, онъ не могъ не понять значенія относительнаго; не могъ не оцѣнить различія въ политическомъ строѣ. И онъ это выразилъ; на политическія темы онъ написалъ не только «Стыдно» и «Не могу молчать», гдѣ осуждалъ жестокости государственной власти, что было совершенно въ духѣ его ученія; онъ написалъ также и любопытный памфлетъ «Царю и его помощникамъ», въ которомъ говоритъ о реформахъ, т. е. о томъ, что власть д о л ж н а сдѣлать х о р о ш а г о. Правда эти реформы своеобразны, но сама мысль о нихъ есть уже п р и м и р е н і е съ точки зрѣнія міра.

Самое характерное противорѣчіе у Толстого это его увлеченіе Генри Джорджемъ. Толстой давно самъ собою пришелъ къ отрицанію земельной собственности; недаромъ онъ такъ любилъ Руссо; когда онъ ознакомился съ идеями Г. Джорджа, построенными на томъ же началѣ, онъ пришелъ въ восторгъ. Ему казалось, что Джорджъ безповоротно разрѣшилъ задачу справедливаго общежитія. Онъ сдѣлался его ярымъ пропагандистомъ, издавалъ его сочиненія, писалъ къ нимъ предисловія, всюду его проповѣдывалъ. Онъ не смущался тѣмъ, что ученіе Г. Джорджа есть ученіе государственное, что его нельзя осущест-

вить внѣ государства и принужденія. Толстой не только ради этого теоретически мирился съ государственной властью. Онъ хотѣлъ провести эту реформу на практикѣ, при посредствѣ русской государственной власти. Въ эпоху Столыпина, т. е. въ тѣ самые годы, когда онъ писалъ «Не могу молчать», онъ обратился къ Столыпину съ просьбой провести проектъ Г. Джорджа. Столыпинъ его не послушалъ; у него были другіе аграрные идеалы. Но Толстой не складывалъ рукъ; несмотря на отрицательное отношеніе къ Государственной Думѣ, онъ рѣшился использовать Думу для этой же цѣли. И я помню, какъ въ наше послѣднее свиданье въ Москвѣ онъ ко мнѣ обратился съ просьбой внести въ Думу такой законопроектъ. Онъ снабдилъ меня книгами и на мои возраженія, что этихъ популярныхъ брошюръ недостаточно, что вопросъ слишкомъ серьезенъ, съ грустью замѣтилъ: «въ этихъ книгахъ все ясно, и если Вы захотите еще изучать, то съ мѣста не сдвинетесь».

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалъ Толстой, достаточно вникнуть въ его послѣднее сочиненіе, въ «Воскресенье». Неклюдовъ это Толстой въ миніатюрѣ. Сходство идетъ очень далеко. Неклюдовъ на заключительныхъ страницахъ «Воскресенья» понялъ, въ чемъ состоитъ Христово ученіе; и какъ только онъ это понялъ, самая книга закрылась. «Съ этой ночи, пишетъ Толстой, началась для Неклюдова совсѣмъ новая жизнь... Чѣмъ кончится эта новая жизнь — покажетъ будущее». Будущее не показало, на этой фразѣ «Воскресенье» окончено. Такъ и Толстой. Онъ бросилъ Ясную Поляну и ушелъ въ пространство въ поискахъ праведной жизни; но какъ только это онъ сдѣлалъ, такъ и умеръ, секрета своего не открывши. Но Неклюдовъ съ Толстымъ похожи не только въ концѣ; они схожи и въ тотъ переходный періодъ, когда у нихъ открылись глаза, когда не разставшись съ міромъ, который они научились уже осуждать, они еще по-мірски стараются помогать этому міру. Такъ дѣлалъ Неклюдовъ, когда онъ, по словамъ Фонарина, сталъ той воронкой, горлышкомъ, черезъ которую изливались страданія тюрь-

мы. Такимъ былъ и Толстой въ широкомъ масштабѣ для всей Россіи и для несчастныхъ и униженныхъ всего міра.

Было ли въ этомъ противорѣчіе? Да, конечно, въ теоріи было; нельзя совмѣстить отрицаніе государства и проповѣдь реформы по Г. Джорджу. Діалектически это противорѣчиво; одно исключаетъ другое. Но психологически это гармонично соединялось въ Толстомъ потому, что въ немъ — и въ этомъ его оригинальность — одновременно и съ равной силой звучали тѣ разныя струны, которыя въ человѣческой душѣ рѣдко звучатъ одновременно.

Толстой — я не говорю объ его исключительномъ геніи, какъ художника, — былъ типичнымъ человѣкомъ этого міра, которому его радости и огорченія были понятны; недаромъ онъ такъ умѣлъ ихъ описывать. Онъ остался такимъ до конца, когда казалось ихъ тщету понялъ, и ихъ преодолѣлъ. Это было видно и по борьбѣ, которую онъ продолжалъ съ ними вести и въ которой иногда они брали верхъ. Это было видно и по тому, какъ онъ относился къ другимъ. Онъ умѣлъ продолжать всѣмъ интересоваться, всѣмъ сочувствовать и все понимать; его не отталкивало въ людяхъ различіе интересовъ и вкусовъ; коробила въ нихъ только самоувѣренность, самовлюбленность и поза.

Такой человѣкъ не могъ отвернуться отъ міра; и Толстой всю жизнь былъ съ нимъ и работалъ для него. Въ первую годовщину смерти Толстого я читалъ въ Москвѣ докладъ подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ «Толстой, какъ общественный дѣятель»; я хотѣлъ напомнить объ этой сторонѣ его жизни, которую литературная и философская дѣятельность заслонили отъ глазъ современниковъ. Собирая матеріалъ для доклада я былъ пораженъ его обиліемъ. Чего только въ этой области ни дѣлалъ Толстой! И міровой посредникъ, который сражался съ Тульскимъ дворянствомъ, и добровольный участникъ войны въ Севастополѣ, и практическій сельскій хозяинъ, и педагогъ; создатель новаго педагогическаго направленія, редакторъ спеціальнаго журнала, проповѣдникъ букво - слагательнаго метода въ противовѣсъ фоне-

тическому, организаторъ публичныхъ диспутовъ на эту тему, взволновавшій этимъ вопросомъ весь образованный міръ. Журналы того времени это свидѣтельствуютъ. Все это было еще раньше нашего поколѣнія. Уже на нашей памяти онъ берется за новыя дѣла, хотя бы за созданіе «народной литературы». Вѣдь это онъ внесъ цѣлый переворотъ въ эту область. И какъ онъ работалъ! Все дѣлалъ самъ. Самъ учитъ въ школѣ, самъ работаетъ надъ букварями, сочиняетъ правила ариѳметики, доводитъ себя до переутомленія и это въ то время, когда на столѣ у него лежитъ «Анна Каренина». И тогда ему говорили, какъ потомъ говорили всю его жизнь, когда онъ сталъ работать надъ богословскими сочиненіями, или кормить голодающихъ, что это не его дѣло, что онъ изъ-за этихъ пустяковъ, которыми могли бы заниматься другіе, губитъ себя, свой талантъ, свое время. А онъ этихъ уговоровъ не слушалъ и работалъ, поскольку хватало въ немъ силъ. Можно безъ всякой ироніи приклеить къ Толстому ярлыкъ «общественнаго дѣятеля»; онъ имъ дѣйствительно былъ: и того, что онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ, хватило бы не на одного человѣка.

Но житейская суета не заглушала въ немъ другихъ интересовъ, а главное его углубленнаго пониманія рокового вопроса, зачѣмъ онъ живетъ. Намъ объ этомъ просто некогда думать. А Толстой безъ отвѣта на это жить не умѣлъ. Какъ интересъ къ мірскимъ заботамъ въ немъ не ослабѣлъ, когда религіозная проблема казалось всецѣло имъ овладѣла, такъ эта проблема присуща была ему и въ тѣ ранніе годы, когда севастопольскимъ офицеромъ онъ велъ боевую, страдную жизнь, а въ минуты бездѣлія проигрывалъ въ карты всѣ деньги. Когда Толстой получилъ отъ міра все, что міръ могъ ему дать, а можетъ быть именно потому, что онъ уже все ему далъ, Толстому стало до очевидности ясно, что счастье не въ этомъ, что его жизнь есть безсмыслица и, что жить такъ онъ больше не можетъ.

Онъ не считалъ себя лучше другихъ и потому свою душевную драму не могъ считать личной; ему казалось, что

всѣ должны будутъ думать какъ онъ; и такъ какъ онъ всегда старался людямъ помочь, онъ понесъ имъ на помощь и свои переживанія. Міръ ихъ не раздѣлилъ и за выводами его не пошелъ. Толстой не сумѣлъ его убѣдить, что жить по земному не стоитъ, что земныя радости самообманъ; но Толстой не возненавидѣлъ міра за это непониманіе, не отвернулся отъ него съ высокомѣрнымъ сознаніемъ своего превосходства; онъ продолжалъ служить этому міру всякій разъ, когда могъ; служить такъ, какъ хотѣлъ этого міръ. Когда у него просили хлѣба, онъ не протягивалъ камня; когда духоборы страдали отъ разоренія, онъ не утѣшалъ ихъ ученіемъ о преимуществѣ нищеты. Онъ твердилъ людямъ, что они ошибаются, что они не понимаютъ, что дѣлаютъ, что они непремѣнно убѣдятся, что счастье не въ томъ, въ чемъ они его видятъ, но пока этого они еще не поняли, онъ все же по-мірскому имъ помогалъ. И то, въ чемъ мы склонны теперь видѣть противорѣчіе была высшая цѣльность; если была измѣна доктринѣ, то сохранялась вѣрность характеру. Въ своихъ построеніяхъ, когда Толстой старается увѣрить людей въ безсмысленности личнаго счастья, онъ могъ быть неубѣдителенъ. Надо вспомнить слова въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»: «Жалкая и ничтожная пружина моральной дѣятельности», говоритъ онъ «умъ человѣка». Но вѣдь эта пружина въ окончательномъ выводѣ приводила его къ той моральной позиціи, съ которой онъ никогда не сходилъ; логически сложнымъ и спорнымъ путемъ она его возвращала къ тому же служенію людямъ, которое онъ по моральному характеру своему осуществлялъ въ теченіе всей своей жизни.

Если своеобразное ученіе Толстого гармонически сливается съ его своеобразной личностью, то почему это ученіе произвело такое впечатлѣніе на міръ на Толстого непохожій и съ нимъ несогласный? Потому, что хотя для міра это ученіе было ново и неожиданно, оно въ то-же время затронуло въ душѣ каждаго очень старыя и знакомыя, хотя и заглохшія струны.

19-ый вѣкъ — вѣкъ неслыханнаго расцвѣта опытныхъ

знаній и матеріальной культуры. Казалось, если не ставить наукѣ ненужныхъ вопросовъ — зачѣмъ живетъ человѣкъ, — она все можетъ. Среди успѣховъ науки и техники вопросъ о смыслѣ жизни былъ отброшенъ какъ пустой и ненужный. Міръ въ немъ не нуждался и имъ не смущался. Если религія допускалась, то только во имя свободы человѣческихъ мнѣній. Позитивизмъ овладѣлъ всѣми умами. И въ это время появился Толстой. Самъ невѣрующій, раціоналистъ по образу мыслей, человѣкъ, которому всѣ достиженія культуры были доступны, Толстой объявилъ міру, что жить безъ смысла жизни нельзя, и что наука этого смысла не открываетъ; что міръ, нагромождая богатства и знанія, не заботится о томъ, что единственно важно и нужно. Это было ново, и въ то же время такъ старо. Вѣдь именно эти вопросы лежали въ основѣ все прежней культуры, всѣхъ философій, всѣхъ религій, всего, чѣмъ прежде жилъ человѣческій умъ.

Отвѣта, который самъ Толстой далъ на эти вопросы, можно было не принимать, но важно, что онъ ихъ поставилъ, поставилъ со всѣмъ авторитетомъ любимца этого міра и передъ средой, которая интересоваться ими давно перестала. Этимъ Толстой, отлученный отъ церкви, зарытый безъ погребенія, болѣе сдѣлалъ для воскрешенія религіознаго интереса, чѣмъ кто бы то ни было. Религіи опасны не тѣ, кто ее отрицаетъ, кто преслѣдуетъ вѣрующихъ, не надписи, что «религія опіумъ», не пропаганда «безбожія»; религіи опасно одно равнодушіе, отсутствіе интереса къ вопросамъ, которыми она занимается. А Толстой не могъ жить безъ отвѣта на эти вопросы; и какой бы отвѣтъ онъ на нихъ ни давалъ, онъ былъ настоящимъ религіознымъ учителемъ и задолго до войны будилъ во всемъ мірѣ религіозное чувство.

Въ 19 вѣкѣ возникъ еще одинъ кумиръ, — этатизмъ, культъ государственной власти; съ тѣхъ поръ какъ государство повсюду перестроилось на демократію, какъ всякій сталъ себя сознавать носителемъ государственнаго суверенитета, человѣчество стало думать, что государст-

во все смѣетъ и все можетъ. Воля большинства стала признаваться волей народа, противъ которой нѣтъ ни къ кому аппеляціи. Всѣ проблемы — общественной жизни стали разрѣшаться исключительно на путяхъ принужденія, устройства и дѣятельности государственной власти; задачи, а потому и права ея неограниченны.

А Толстой сталъ учить, что принудительное осуществленіе справедливости есть зло само по себѣ, что самая государственная форма есть уже зло; что въ основѣ людскихъ отношеній должна быть не воля народа, — а завѣты Христа, непротивленіе злу, самопожертвованіе, возданіе добромъ за причиненное зло; что только это даетъ смыслъ человѣческой жизни.

Міръ въ этомъ за Толстымъ не пошелъ и былъ правъ; на такихъ началахъ правильнаго общежитія построить нельзя. Но Толстовская проповѣдь опять задѣла мотивы, которые въ человѣческой душѣ истребить невозможно. Не только потому, что онъ, наконецъ, возвысилъ голосъ противъ бездушнаго всемогущества государственной власти, хотя бы и имѣющей за себя большинство среди населенія; его проповѣдь напомнила людямъ о самостоятельной силѣ добра. Конечно, было утопіей считать эту силу достаточной и потому упразднять государство. Исторія полна примѣровъ наглой побѣды зла надъ добромъ. Христосъ былъ казненъ при восторгахъ народа; христіане, носители Христовой любви на глазахъ у толпы травились въ циркахъ звѣрями; въ наше время большевики передъ лицомъ христіанскаго міра судили и убили кроткаго и смиреннаго Веніамина и были послѣ этого признаны законной властью Россіи. Все это было возможно; такъ будетъ и впредь. Но Толстой все же правъ, что въ добрыхъ началахъ души человѣка есть своя сила, которой нельзя пренебречь. Даже его личная жизнь была къ тому иллюстраціей. Развѣ не поразительно, что наша государственная власть Толстого не трогала, хотя онъ потрясалъ то, чѣмъ она дорожила, и тронъ и алтарь? Наше государство было сурово къ тѣмъ, кто его отрицалъ; почему же передъ Толстымъ оно отступило, и, не-

смотря на свое ученіе, онъ пользовался въ Россіи полной свободой? Конечно, можно сказать, что государство дорожило его геніальностью или боялось мірового скандала. Этого объясненія еще недостаточно. Въ распоряженіи государства были не одинъ эшафотъ, тюрьма, или каторга; въ его рукахъ были культурныя мѣры «предупрежденія». И оно ихъ по отношенію къ Толстому не принимало. Я не могу сомнѣваться, что если бы Толстой отрицалъ нашъ государственный строй во имя другого, хотѣлъ замѣнить одну государственную форму другой, государство приняло бы мѣры противъ этихъ ученій. Но когда Толстой отрицалъ государство во имя Христовой любви, отрицалъ нашу Церковь во имя того же Христа, онъ дѣлалъ призывъ къ тѣмъ струнамъ въ душѣ человѣка, на который отвѣтить насиліемъ было нельзя. Я припоминаю примѣръ изъ эпохи войны. Мнѣ пришлось защищать на военномъ судѣ въ процессѣ Толстовцевъ, которые обвинялись въ томъ, что выступили противъ войны. Среди нихъ не было геніевъ и міровыхъ знаменитостей; ихъ осужденіе никакого скандала не вызвало бы. Если бы они выступили противъ войны во имя Революціи, какъ позднѣе большевики, или чтобы облегчить побѣду врагу — ихъ не пощадили бы. Но они выступили — и это всѣмъ было ясно —противъ войны вообще во имя Христа, и военные судьи, самъ предсѣдатель, потерявшій сына въ этой войнѣ, ихъ оправдали. Міръ за Толстымъ не пошелъ, но за то радостно привѣтствовалъ въ этомъ ученіи призывъ къ тому, что было лучшаго въ душѣ человѣка.

Еще большее впечатлѣніе произвелъ на міръ самъ человѣкъ, который создалъ это ученіе; онъ былъ такъ непохожъ на типъ людей нашего вѣка. Всѣ мы въ жизни ищемъ похвалъ и успѣховъ; говорю это не въ порицательномъ смыслѣ; нисколько не дурно добиваться успѣховъ, т. е. достиженій въ той области, которой свою жизнь посвящаешь; естественно, что человѣкъ науки добивается успѣховъ въ наукѣ, человѣкъ искусства — въ сферѣ искусства, политическій дѣятель желаетъ побѣды въ политикѣ. Также понятно, что че-

ловѣкъ, который стремится къ личному благу, въ этой области цѣнитъ успѣхи. Не удивительно, что люди чувствительны и къ похвалѣ; похвала уже есть доказательство нашихъ успѣховъ. Таковъ типъ людей нашего вѣка. Всѣ мы — спортсмены только въ различныхъ отрасляхъ жизни, и XIX-ый вѣкъ могъ бы быть названъ не только вѣкомъ опытныхъ знанiй и матерiальной культуры, но и вѣкомъ спорта.

Совсѣмъ изъ другого матерiала былъ сдѣланъ Толстой. Онъ ли не имѣлъ въ этомъ мiрѣ успѣха; ему ли не доставало похвалъ? Но и успѣхъ и похвалы — все онъ отвергъ. У него былъ иной стимулъ жизни и дѣятельности. Этотъ стимулъ давно намъ знакомъ; мiръ инстинктомъ его разгадалъ; онъ увидѣлъ въ Толстомъ типъ человѣка, особенно родной и близкiй намъ, русскимъ людямъ, — недаромъ Толстой родился и могъ быть только въ Россiи — типъ человѣка, который получилъ у насъ названiе Богоискателя, искателя праведной жизни.

Имъ Толстой былъ всегда во всей своей жизни, когда земныя страсти его одолѣвали и когда онъ ихъ побѣдилъ. Если въ томъ, что мы называемъ «ученiемъ» это исканiе вылилось прямо, если онъ могъ говорить о немъ не намеками, то тѣ-же самые мотивы проходятъ черезъ всю его литературную дѣятельность, даже самую раннюю, видны повсюду. Недаромъ въ «Войнѣ и Мирѣ» эпопеѣ, гдѣ онъ жилъ въ мiрѣ героевъ и описывалъ мiровыя событiя, онъ не забылъ, а любовно отмѣтилъ того, кто въ своей простотѣ всѣхъ научилъ смыслу жизни, Платона. И символично, что прообразъ Толстого, Неклюдовъ, появляется на протяженiи всѣхъ писанiй Толстого, въ разныхъ формахъ и видахъ; Неклюдовъ,—пришедшiй къ воспринятiю Христовой Вѣры, — тотъ же Неклюдовъ, который въ деревнѣ старается по справедливости устроить отношенiя съ мужиками, въ Швейцарiи донкихотствуетъ, заступаясь за бѣднаго музыканта и, разочаровавшись въ жизни, налагаетъ на себя руки въ провинцiальномъ трактирѣ. Неклюдовъ не спортсменъ нашего вѣка: это — богоискатель.

Имъ же, съ придачей великаго литературнаго генія, былъ и Толстой.

Въ своей «Исповѣди» онъ самъ въ этомъ признался; но не всѣ такъ его понимали. Его осуждали за гордыню ума, за то, что онъ вступилъ въ борьбу съ Церковью. Упрекали за самомнѣніе, за то, что онъ посмѣлъ «исправить» Евангеліе. Для тѣхъ, кто его зналъ, въ немъ не было личной гордыни; напротивъ, не могло не бросаться въ глаза его недовольство собой, вѣчное къ себѣ недовѣріе, его трогательная застѣнчивость, нежеланіе блистать, даже неумѣніе играть первыя роли.

Оттого то неожиданное впечатлѣніе, которое онъ производилъ на другихъ. Какъ мало оно было похоже на то, чего мы, люди міра, ожидаемъ отъ великаго генія, отъ знаменитости, отъ учителя жизни! Оттого постоянная неудача и фальшь у тѣхъ разсказчиковъ, кто хотѣлъ бы поставить его на ходули. Въ Толстомъ все было обыкновенно и просто. Тѣ сокровенныя мысли, которыми Толстой жилъ, онъ другимъ не навязывалъ, на показъ не выносилъ; не дѣлалъ ихъ предметомъ общаго разговора. Онъ берегъ ихъ только для тѣхъ, кому они могли быть такъ-же важны и дороги, какъ ему самому, кто интересовался ими, а не его личностью. Громкая слава Толстого, обаяніе его имени, заставляли всѣхъ глядѣть на него съ особымъ вниманіемъ, ловить каждое его слово. Но если бы могло случиться, что кто-нибудь его въ лицо бы не зналъ и сталъ бы его со стороны наблюдать, онъ не догадался бы, кто передъ нимъ; онъ не могъ бы повѣрить, что этотъ простой и добрый старикъ, съ такимъ интересомъ прислушивающійся къ общему разговору, такъ слѣдящій за тѣмъ, что кругомъ него говорятъ, охотно входящій въ самые разнообразные интересы, что это тотъ самый Толстой, котораго знаетъ весь міръ. Простота Толстого была такъ неожиданна, что многимъ казалась искусственной, дѣланной; она однажды оттолкнула П. И. Чайковскаго *). Чайковскій обидѣлся на Толстого за то, что онъ былъ слиш-

*) Біографія Толстого — П. И. Бирюкова.

комъ простъ, увидѣлъ въ этомъ къ себѣ непріязнь. Для того, кто зналъ Толстого, понятно это разочарованіе, несоотвѣтствіе того, чего по обыкновенному мірскому шаблону отъ него ждалъ Чайковскій, съ тѣмъ, что онъ могъ найти у живого Толстого.

То исканіе Бога, на которое ушли душевныя силы Толстого, онъ переживалъ въ одиночку, наединѣ, ни передъ кѣмъ не позируя; люди, которые его наблюдали, видѣли только внѣшніе факты: опрощеніе, возвращеніе къ Церкви, не понимая откуда все это вышло. Но когда Толстой находилъ подъ собой почву и приходилъ къ опредѣленному выводу, скрывать его отъ другихъ онъ не могъ. Онъ не считалъ себя выше людей и не могъ повѣрить, чтобы то, что было ясно ему, могло быть неясно другому, чтобы мученія его совѣсти были незнакомы другимъ. Онъ любилъ Андерсеновскую сказку о королѣ, который ходилъ голымъ потому, что никто не посмѣлъ на это ему указать; онъ считалъ себя тѣмъ простакомъ, который по наивности на это рѣшился и сказалъ вслухъ то, чего не смѣли сказать другіе. Но когда онъ думалъ, что правду увидѣлъ, скрыть ее отъ другихъ онъ уже не считалъ себя вправѣ. Тотъ, кто знаетъ, гдѣ бродъ, не можетъ не показать его тѣмъ, кто вокругъ него тонетъ. Не гордыня ума, не претензія быть учителемъ, а простое сознаніе своего долга быть полезнымъ другимъ, заставило его стать проповѣдникомъ.

И потому, что Толстой такъ смотрѣлъ на себя, эта его проповѣдь казалась ему столь естественнымъ дѣломъ, что онъ не видѣлъ въ ней никакой личной заслуги, Толстой такъ и умеръ не понявъ, чѣмъ онъ былъ для людей, въ частности для Россіи.

Въ Ясной Полянѣ мнѣ показали однажды подлинникъ того предсмертнаго письма Тургенева къ Толстому, въ которомъ находится извѣстная фраза: «другъ мой, великій писатель русской земли, вернитесь къ литературной дѣятельности». Помню это письмо на двухъ страничкахъ небольшого формата, карандашемъ, нетвердымъ почеркомъ и заключительныя слова передъ подписью: «не могу боль-

ше, усталъ». Но въ этомъ письмѣ меня поразила другая фраза Тургенева: «какъ я счастливъ, писалъ Тургеневъ Толстому, что былъ Вашимъ современникомъ». Тургеневъ былъ самъ знаменитостью, и это зналъ; самъ сдѣлалъ эпоху въ литературѣ и этого не забывалъ; не разъ съ Толстымъ ссорился и тѣмъ не менѣе передъ смертью, когда люди не лгутъ, такъ говорилъ о Толстомъ.

Этого Толстой не могъ понять до конца. Доказывать это я не берусь; но мнѣ хочется передать просто для иллюстраціи нѣкоторыя свои личныя воспоминанія, характерныя для того, какъ относились люди къ Толстому, и какъ онъ этого не понималъ.

Всѣмъ извѣстенъ красочный эпизодъ, какъ въ 90-хъ годахъ Толстой появился на Московскомъ съѣздѣ натуралистовъ. Я былъ въ курсѣ того, какъ это вышло. Наканунѣ съ моимъ другомъ Цингеромъ, студентомъ, какъ и я самъ, мы были въ Хамовникахъ. Цингеръ разсказалъ Толстому, что на другой день на съѣздѣ его отецъ, знаменитый математикъ - профессоръ, будетъ дѣлать докладъ противъ Дарвина. Толстой не любилъ дарвинизма и заинтересовался докладомъ. И намъ пришла мысль провести Толстого на съѣздъ. Мы по наивности думали искренно, что будетъ возможно устроить такъ, чтобы объ этомъ никто не узналъ. Толстой согласился; мы дождались его у входа и провели по особенной лѣстницѣ въ ту круглую комнату Благороднаго Собранія, гдѣ сейчасъ происходитъ судъ на Донецкомъ процессѣ. Онъ пришелъ, когда засѣданіе уже было въ разгарѣ. Кромѣ нѣсколькихъ случайныхъ лицъ, никто прихода его не замѣтилъ. Его посадили за колонну, откуда никто его видѣть не могъ. Но уже черезъ нѣсколько минутъ вѣсть объ его присутствіи разнеслась по собранію; я пошелъ въ главную залу и навстрѣчу мнѣ бѣжали взволнованные люди, спрашивая, гдѣ же Толстой. Какъ мы ни увѣряли, что его здѣсь нѣтъ, никто не вѣрилъ. Въ большой залѣ Цингеръ читалъ свой докладъ, но никто его уже не слушалъ. Всѣ шептались, приподымались съ мѣстъ, кого-то искали глазами, потомъ срывались со стульевъ и уходили. Стало ясно, что про-

должать засѣданіе такъ невозможно. Президіумъ предположилъ, что, если Толстой покажется публикѣ, займетъ мѣсто за почетнымъ столомъ, всѣ успокоятся. Я издали видѣлъ эти переговоры съ Толстымъ, видѣлъ, какъ члены президіума куда-то спускались, кого-то упрашивали и, наконецъ, побѣдили: Толстой поднялся изъ-за колонны и сѣлъ за столомъ. Тутъ все было кончено. Публика повскакала со своихъ мѣстъ, махала платками, апплодировала и кричала. Никто о докладѣ не думалъ. Пришлось идти дальше. Толстого упросили встать и раскланяться съ публикой. Докладъ кое-какъ былъ дочитанъ и Толстой исчезъ. Я догналъ его на Волхонкѣ; когда я къ нему подошелъ, онъ, обыкновенно столь деликатный и никому не показывавшій неудовольствія, сказалъ мнѣ съ досадой: «это Вы все «подстроили» съ Цингеромъ».

Помню его въ Москвѣ, въ послѣдній пріѣздъ. Кому то изъ дѣтей или друзей пришла въ голову мысль повести его посмотрѣть на какую то интересную фильму; экспромтомъ мы поѣхали въ скромный синема на Арбатѣ; незамѣтно сѣли въ заднихъ рядахъ и несмотря на то, что это было совершеннымъ сюрпризомъ и что въ залѣ было темно, всѣ узнали Толстого. И опять все было кончено. Публика не смотрѣла на фильмъ, а въ темнотѣ искала глазами его сѣдую бороду. Хозяинъ синема изъ уваженія къ великому гостю вмѣсто обычной фильмы, поставилъ другую парадную, столь безсмысленно-глупую, что было противно смотрѣть. Мы скоро ушли, и вся зала кинулась внизъ, окружила Толстого на улицѣ; помню по сю пору изступленный голосъ незнакомаго старика, который, схвативъ обѣими руками, руку Толстого, вопилъ на всю улицу: Левъ Николаевичъ, Левъ Николаевичъ!

А черезъ нѣсколько дней онъ уѣзжалъ изъ Москвы. Я пошелъ его проводить; объ отъѣздѣ сообщили газеты, и вся площадь передъ Курскимъ вокзаломъ была запружена народомъ. Толстой пріѣхалъ съ женой и дочерьми въ четырехмѣстной коляскѣ. Всѣ бросились къ ней и онъ могъ спастись только тѣмъ, что его провели на вокзалъ особымъ ходомъ. Толпа хлынула къ поѣзду, который стоялъ

на путяхъ. Волна народа поднесла меня къ самому вагону, въ которомъ ѣхалъ Толстой. Я увидѣлъ, какъ опустилось окошко; Толстой просунулъ голову и шамкая старческимъ ртомъ, со слезами катившимися по блѣднымъ щекамъ, благодарилъ «за сочувствіе, котораго, право, «не ожидалъ». Онъ не зналъ, что еще говорить и, замѣтивъ меня, съ облегченіемъ ко мнѣ обратился; онъ былъ доволенъ, что увидалъ знакомое лицо, и могъ больше не фигурировать передъ «публикой».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ Астаповѣ онъ говорилъ своимъ близкимъ. «Вы всѣ собрались здѣсь для одного Льва, а ихъ въ Россіи милліоны». Онъ могъ такъ говорить и такъ думать; а міръ тѣмъ болѣе любилъ его, что онъ *такъ* думалъ. Міръ оцѣнилъ, что Толстой, имѣвшій всѣ блага, которыя міръ можетъ дать, ими не соблазнился; міръ не могъ не быть тронутъ, что Толстой всему предпочелъ жизнь по Божьи; но еще болѣе онъ долженъ былъ быть пораженъ, что Толстой пришелъ къ завѣтамъ Христа не потому, что они были для него велѣніемъ Бога, а потому, что находилъ *ихъ* разумной основой человѣческой жизни. Въ этомъ было нѣчто необычайное. Не считать Христа Богомъ, не вѣрить въ загробную жизнь, не вѣрить въ возмездіе и все-таки проповѣдывать *эти* завѣты, считать, что для человѣка радость заключается въ отреченіи отъ личнаго счастья, — въ жизни на благо другихъ, значило обнаруживать такую вѣру въ добро и доброту человѣка, которой не было ни у кого въ этомъ мірѣ. Міръ за Толстымъ не пошелъ и былъ правъ; его ученіе *не для этого міра*. Но слушая Толстовскую проповѣдь, міръ открывалъ въ самомъ себѣ *тѣ* добрыя чувства, которыя въ суетѣ жизни давно въ немъ уже заглохли; онъ самъ на это время становился лучше, чѣмъ обыкновенно бывалъ. Толстой не льстилъ ему, а будилъ его совѣсть и этимъ его до себя поднималъ. И пока былъ живъ Толстой, міръ видѣлъ въ немъ живого носителя вѣры въ добро и въ человѣка. Потому жизнь Толстого была ему такъ дорога; и 7 ноября, когда умеръ Толстой, міръ сталъ не тѣмъ, что былъ раньше. Что-то въ немъ погибло на-вѣ-

ки. А Россія, въ которой жилъ Толстой, и которую онъ ни на что не промѣнялъ бы, Россія, которую онъ любилъ больше всего, — Россія скромная, нищая и некультурная, которая не знала, какія бѣды ей еще предстоятъ, не предвидѣла, что ей скоро придется на собственномъ опытѣ извѣдать всю глубину человѣческой мерзости и людского равнодушія, — Россія инстинктомъ почувствовала, что въ день его смерти она потеряла заступника.

Толстой — какъ міровое явленіе

(Рѣчь, произнесенная въ Прагѣ 15 ноября 1928 г. на празднованіи юбилея Л. Толстого).

Заглавіемъ доклада «Толстой — какъ міровое явленіе» я хотѣлъ отмѣтить одну спеціальную черту его положенія. Я имѣлъ въ виду указать не то, что Толстого всюду знаютъ, цѣнятъ и чествуютъ. Это не важно: это могло быть простымъ результатомъ культурной солидарности цивилизованныхъ странъ. Т а к о в о общее отношеніе къ Толстому-художнику; нѣтъ писателя болѣе чѣмъ онъ національнаго, болѣе связаннаго съ родной культурой и почвой, а между тѣмъ его п о в с ю д у читаютъ, почитаютъ и даже болѣе или менѣе понимаютъ. Въ другомъ положеніи Толстой, какъ мыслитель; по проблемамъ, которыя онъ себѣ ставилъ, по отвѣтамъ, которые онъ на эти проблемы давалъ, онъ вышелъ за рамки не только своей національности, но даже своей эпохи. Онъ былъ по-истинѣ всечеловѣкомъ, или, какъ теперь говорятъ, мыслителемъ мірового масштаба. Это не значитъ, конечно, что его ученіе нельзя связать съ родною землей. Толстой самъ призналъ въ своей Исповѣди, что именно въ нѣдрахъ этой земли среди «бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей», незатронутыхъ универсальной культурой, среди «странниковъ, монаховъ, раскольниковъ, мужиковъ» онъ нашелъ элементы ученія. Но это ничего не мѣняетъ. Вѣдь даже историки Христа и христіанства стараются ввести Его жизнь и уче-

ніе въ рамки исторіи, объяснить ихъ условіями эпохи и мѣста; это не умаляетъ всемірности Христова ученія.

Я сопоставилъ Христа и Толстого и хочу сдѣлать одну оговорку, чтобы къ этому больше не возвращаться. Я понимаю, что одно это сопоставленіе можетъ оскорбить религіозное чувство. Этого бы я не хотѣлъ и извиняюсь заранѣе передъ тѣми, кого могъ бы задѣть. Я скажу въ оправданіе, что не только не собираюсь Толстого проповѣдывать, но даже его защищать; хочу только его излагать. Этого сдѣлать нельзя, не затрагивая очень щекотливыхъ сюжетовъ; но я думаю, что и невозможно приходить чествовать память Толстого, если не позволить передавать его взгляды во всей полнотѣ.

Ученіе Толстого деликатная тема уже потому, что Толстой и Церковь во многихъ отношеніяхъ антиподы. Толстой утверждалъ, что онъ своего собственнаго ученія не имѣлъ, что онъ только возстановилъ подлиннаго историческаго Христа, затемненнаго ученіемъ міра и Церкви. Церковь учила наоборотъ, что это Толстой не понялъ, исказилъ и умалилъ Христа.

Для Церкви Христосъ есть Богъ, Мессія и Искупитель; его появленіе и судьба связаны со всей ветхозавѣтной мистикой. Евангеліе есть Откровеніе Бога, возвѣщенная людямъ абсолютная правда, общеніе Бога съ людьми.

А для Толстого Евангеліе есть людская и потому переполненная ошибками и суевѣріями легендарная повѣсть о человѣкѣ, который изложилъ людямъ удивительное по глубинѣ и разумности ученіе жизни и былъ за это ученіе ими убитъ. Преклоняясь передъ Христомъ, Толстой въ немъ Бога не видѣлъ. Я не разъ слышалъ отъ него самого, что если бы онъ считалъ Христа Богомъ, Христосъ потерялъ бы для него все свое обаяніе.

Въ такомъ взглядѣ на Христа нѣтъ ничего оригинальнаго; это обычное воззрѣніе всѣхъ невѣрующихъ. И естественно, что Толстой такъ смотрѣлъ на него. По своему міросозерцанію Толстой былъ человѣкомъ современныхъ воззрѣній, тѣмъ, что мы называемъ позитивистомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что ра-

зумъ нашъ ограниченъ; но признавая ограниченность разума, онъ не допускалъ и того, чтобы разумъ могъ узнать абсолютную истину въ порядкѣ вѣры и откровенія. Не нужно быть введеннымъ въ соблазнъ Толстовской терминологіей; онъ любилъ употреблять слова — религія, Богъ, безсмертіе и т. д. Но всѣмъ этимъ понятіямъ Толстой придавалъ исключительно деистическій смыслъ; Богъ былъ для него — непонятная, начальная сила; безсмертіе духа — простое признаніе факта, что наша духовная жизнь откуда-то появилась и, слѣдовательно, куда-то уйдетъ; а вѣра, по словамъ Ив. Кирѣевскаго, которыя онъ любилъ повторять, есть не столько знаніе истины, сколько преданность ей. Все это очень далеко отъ ученія Церкви и потому Толстой по своему міровоззрѣнію истинный позитивистъ, сынъ нашего вѣка.

И оригинальность Толстого именно въ томъ, что, несмотря на свое позитивное міровоззрѣніе и вопреки ему, когда рѣчь заходила объ ученіи жизни, о Христѣ и Христіанствѣ, Толстой покидалъ позитивную дорогу и взгляды. Онъ не говорилъ подобно позитивизму, что проповѣдь Христа противорѣчитъ природѣ людей, что въ его ученіи надо видѣть только идеалъ, который недостижимъ на землѣ и отдаляется по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближаемся. Толстой въ заповѣдяхъ Христа увидѣлъ ученіе, которое можно и должно въ точности исполнять и которое при такомъ исполненіи принесетъ счастье здѣсь на землѣ.

Очень часто бываетъ, что люди религіознаго міровоззрѣнія на практикѣ живутъ сами и учатъ другихъ жить по мірски; это обычное явленіе. Въ Толстомъ было обратное; при мірскомъ міровоззрѣніи онъ училъ жить по Божьи. Въ этомъ своеобразномъ сочетаніи противоположныхъ началъ, въ противорѣчіи между Толстовскимъ міросозерцаніемъ и его ученіемъ жизни состоитъ оригинальность Толстого, его своеобразное мѣсто въ исторіи мысли.

Нельзя удивляться,что это свойство менѣе всего оцѣнено современниками. Историческія оцѣнки вообще дѣло

исторіи. Для современниковъ дороже и ближе ихъ собственные преходящіе интересы и скорби; имъ важнѣе, какъ на нихъ отзываются, а Толстой былъ такъ содержателенъ и многосторонен, что отзывался на все. Такая оцѣнка съ точки зрѣнія *своихъ* интересовъ не роняетъ ни Толстого, ни тѣхъ кто его *такъ* понимаетъ. Чтобы оцѣнить высокую гору нужно отойти отъ нея на очень далекое разстояніе; а оттуда уже не видно живыхъ конкретныхъ подробностей этой горы. Чтобы понять прелесть Эльборуса, эту голову сахара, нужно удалиться на десятки верстъ, изъ-за которыхъ кромѣ головы ничего уже не видно. Тотъ, кто идетъ по склону горы ея вершины не видитъ, но зато наблюдаетъ то, что издали недоступно, и ручей, и обрывъ, и прелесть горной тропинки. Только *ему* видны эти подробности, но для него зато скрытъ видъ всей горы. Оцѣнка подробностей есть долгъ именно современниковъ; только *они* могутъ ихъ дать; *они* должны это сдѣлать, чтобы помочь и историкамъ.

Современникамъ угрожаетъ однако опасность; отмѣчая понятные и доступные имъ мысли и поступки Толстого, они должны помнить, что Толстой и его міровое значеніе можетъ быть вовсе *не въ этомъ*; путникъ, бредущій по склону Эльбруса, можетъ думать, что Эльбрусъ и есть та тропинка, которую онъ топчетъ ногами. Да, конечно, Эльбрусъ есть и эта тропинка, — но тропинка еще не Эльбрусъ. Это случилось съ Толстымъ. Недаромъ всѣ, кто о немъ говорятъ, отмѣтили въ немъ обиліе противорѣчій. Это понятно. Отмѣчать ихъ вовсе не трудно. Но понимаетъ Толстого не тотъ, кто противорѣчія нагромождаетъ, а только тотъ, кто ихъ объяснитъ. Нельзя думать, чтобы критики Толстого были настолько умнѣе его, что обнаруживали противорѣчія тамъ, гдѣ онъ самъ ихъ былъ неспособенъ замѣтить. Правдоподобнѣе думать, что критики замѣтили ихъ тамъ, гдѣ ихъ не было вовсе и находили ихъ тамъ потому, что Толстого не вполнѣ понимали. Можно только тогда заключить, что мы поняли, *что* такое Толстой, когда мы эти противорѣчія себѣ разъяснимъ.

Чтобы не быть голословнымъ, хочу иллюстрировать

эту мысль на примѣрѣ. Кромѣ изящной словесности, Толстому болѣе всего повезло въ политическомъ мірѣ. Объ его юбилеѣ религіозная и философская мысль хранитъ молчаніе; съ работами Толстого въ этихъ областяхъ она не считается. Заслуги и значеніе Толстого отмѣтила только литература и не менѣе чѣмъ литература — политика. Стоитъ пересмотрѣть юбилейную прессу, чтобы видѣть это преобладаніе. И сужденіе политиковъ о Толстомъ можно считать установленнымъ. Одни съ огорченіемъ, другіе съ похвалой отмѣчаютъ борьбу Толстого съ правительствомъ, съ насиліемъ всякаго рода, съ привиллегіями, съ богатыми, сильными. Толстой для однихъ идейный виновникъ революціи, для другихъ человѣкъ, созданный быть революціоннымъ вождемъ. И наталкиваясь на непонятное ученіе — непротивленіе злу, политики объяснили эту нелѣпость простымъ недомысліемъ; не то незнакомствомъ съ ученіемъ Маркса, не то даже незнаніемъ учебниковъ государственнаго права для второкурсниковъ.

Политики имѣютъ внѣшнее право зачислять Толстого въ свой лагерь; политическіе сюжеты Толстому не чужды; онъ писалъ такіе политическіе памфлеты, какъ «Стыдно» и «Не могу молчать»; затрагивалъ политическія темы въ своей беллетристикѣ, напримѣръ въ «Воскресеньи»; наконецъ, и практически занимался политической дѣятельностью; достаточно напомнить его хлопоты и у властей, и у Государственной Думы, о проведеніи законодательства идей Генри Джорджа. Поэтому политики правы, когда среди интересовъ Толстого отмѣчаютъ эти мотивы и стараются опредѣлить политическую фигуру Толстого. Онъ самъ далъ для этого поводъ. Но тѣмъ не менѣе если только поэтому мы сочтемъ Толстого человѣкомъ нашего лагеря, мы сдѣлаемъ ту-же ошибку, что путникъ, который сочтетъ за Эльбрусъ ту тропинку, по которой онъ бредетъ среди лѣса.

Не нужно забывать, что хотя Толстой дѣлалъ все то, на что я указалъ, и дѣлалъ еще много другого, къ политическимъ вопросамъ онъ былъ не только глубоко равноду-

шенъ, но даже враждебенъ. У меня есть личное воспоминаніе. Побывавъ въ первый разъ въ Англіи, восхищенный многими сторонами англійской жизни, я сталъ восхвалять англійскіе порядки передъ Толстымъ. Онъ возражалъ и доказывалъ, что англійская конституція не лучше русскаго самодержавія. Рѣзкость его сужденій меня огорчала, но я нашелся отвѣтить. Это было время его хлопотъ о духоборахъ. Я сказалъ Толстому: «если въ Англіи жизнь не лучше, чѣмъ въ Россіи, зачѣмъ же вы переселяете духоборовъ въ Канаду?» Толстой сначала запнулся, потомъ добродушно засмѣялся въ отвѣтъ и сказалъ: «конечно, вы правы, разница есть. Но знаете ли: есть разница и между гильотиной и сажаніемъ на колъ и даже нашей висѣлицей. Если бы вы посвятили себя введенію въ Россіи гильотины вмѣсто веревки, это былъ бы прогрессъ. Но меня этой дѣятельностью вы не увлечете; для меня и гильотина и веревка одинаково мерзки».

Толстой въ спорахъ часто говорилъ больше, чѣмъ думалъ и это самъ признавалъ. Но въ данномъ случаѣ онъ скорѣе не договорилъ. Для него при его взглядахъ гильотина была бы хуже веревки. Свое истинное отношеніе къ государственной и политической дѣятельности Толстой изложилъ въ сочиненіи «Христіанское ученіе». Толстой спрашивалъ себя въ этой книгѣ; какъ могло выйти, что міръ не пошелъ за Христомъ? Отвѣтъ на это онъ нашелъ въ своемъ ученіи о «соблазнахъ». Соблазнъ, по его опредѣленію, — есть ловушка, въ которую заманивается человѣкъ подобіемъ добра, и, попавъ въ нее, погибаетъ. Такихъ соблазновъ Толстой насчиталъ пять. И пятымъ, едва ли не самымъ оиаснымъ, соблазномъ онъ считалъ «соблазнъ государственный», или иначе «соблазнъ общаго блага». «Онъ состоитъ въ томъ, что люди оправдываютъ совершенные ими грѣхи благомъ многихъ людей, народа, человѣчества. Это тотъ соблазнъ, который выражаетъ Каіафа, требовавшій убійства Христа во имя многихъ». (Христіанское ученіе). Этотъ принципъ «общаго блага», который Толстой считаетъ соблазномъ, отвлекающимъ міръ отъ его настоящей дороги, — есть тотъ принципъ, на ко-

торомъ стоимъ всѣ мы, люди политики и государства. Мы не можемъ не считать и принужденіе и насиліе принципіальнымъ зломъ; но мы все-таки миримся съ нимъ потому, что для насъ это зло оправдывается принципомъ общаго блага. Такимъ образомъ то, въ чемъ для насъ основное начало, которое направляетъ и оправдываетъ всю нашу дѣятельность, для Толстого есть соблазнъ, т. е. корень зла. И эта его мысль не случайна; она проникаетъ все его отношеніе къ міру, объясняетъ въ Толстомъ то, что не сразу понятно. Не разъ удивлялись, почему Толстой всего больше осуждалъ в ъгосударствѣ именно то, что для насъ казалось наиболѣе цѣннымъ. Такъ, напримѣръ, какой видъ государственной дѣятельности для насъ кажется самымъ почтеннымъ и безупречнымъ? Если принять старое дѣленіе Монтескье легко отвѣтить: такой является судебная дѣятельность. У власти исполнительной есть непріятный элементъ прямого насилія; у власти законодательной элементъ произвола и приказа; въ судебной нѣтъ ни того, ни другого. Судебный дѣятель призванъ только сказать, какъ было дѣло, и чего хочетъ законъ. Судья высказываетъ не свою личную волю, онъ отыскиваетъ и объявляетъ то, что дѣйствительно есть. Дальше этого онъ не идетъ. Потому въ его дѣятельности менѣе всего тѣхъ элементовъ, которые отталкиваютъ морально щепетильнаго человѣка. Можно пойти еще дальше: теоретически при идеальномъ состояніи общества мыслимо жить и безъ исполнительной и безъ законодательной власти. Можно допустить, что всѣ люди будутъ такъ хороши, что безъ принужденія будутъ подчиняться закону, и тогда исполнительная власть станетъ ненужной. Можно представить, что всѣ законы будутъ такъ хороши, что мѣнять ихъ будетъ не нужно; не нужно будетъ и законодательной власти. Но всегда могутъ быть разномыслія между людьми, всегда могутъ быть несогласія среди нихъ. Потому всегда будетъ необходимость въ органѣ, который подобный споръ разрѣшитъ и явится примирителемъ; а это и есть задача суда. Когда мы мечтаемъ, что войнъ больше не будетъ, что не нужно будетъ и войскъ, мы за-

мѣняемъ ихъ арбитражемъ, т. е. тоже судомъ. Словомъ съ точки зрѣнія насъ, людей міра, судебная дѣятельность самая необходимая, безспорная и почтенная. А между тѣмъ именно къ ней Толстой наиболѣе безпощаденъ. Ей онъ посвящаетъ спеціальныя осужденія. Почему? Да именно потому, что въ исходныхъ точкахъ зрѣнія на государство у насъ и у Толстого ничего общаго нѣтъ. Если государственная дѣятельность есть только соблазнъ, то соблазнъ тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе онъ скрытъ и замаскированъ; онъ этимъ только тѣмъ больше опасенъ; и потому Толстой особенно энергично именно его обличаетъ. Это Толстой проводилъ совершенно послѣдовательно. Въ недавней статьѣ о Толстомъ въ «Современныхъ Запискахъ» М. Алдановъ поставилъ недоумѣнный вопросъ: почему Толстой такъ дурно относился къ адвокатурѣ, почему всякій адвокатъ въ его изображеніи, по выраженію Алданова, «хамъ и пошлякъ»? Наблюденіе Алданова вѣрно, но и объяснить это нетрудно. У Толстого сказалось инстинктивное нерасположеніе къ этой профессіи. И нерасположеніе это совершенно понятно. Дѣятельность адвоката не только соблазнъ, но соблазнъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ другіе соблазны. Вѣдь людямъ, которые посвящаютъ себя этой профессіи кажется, что сами они неповинны въ томъ злѣ, которое дѣлаетъ государство, въ его насиліи; живя тѣмъ же дурнымъ дѣломъ, служа тому же кумиру, — адвокаты воображаютъ кромѣ того, будто они борятся съ этимъ зломъ, будто сами они не отвѣтственны за зло государства, и грѣша воображаютъ, что грѣшатъ только другіе, а не они. Соблазнъ «государства», соблазнъ «общаго блага», здѣсь скрытъ особенно глубоко. Почему, если судебная дѣятельность благовиднѣе, чѣмъ другія, то профессія адвоката самая благовидная изъ судебныхъ профессій. И тутъ опять сказывается разница между Толстымъ и всѣми нами. Тѣ самыя свойства, которыя заставляютъ насъ, людей міра, особенно благожелательно смотрѣть на эту профессію — конечно въ идеальной ея постановкѣ, а не въ уродствахъ, эти свойства отъ нея Толстого отталкиваютъ; эта профессія въ его гла-

захъ — наихудшій соблазнъ и самообманъ; адвокатъ довольный собой, порицающій зло, которому онъ въ сущности служитъ, есть прежде всего лицемѣръ.

Отсюда видно, до какой степени ошибаются тѣ политики, которые зачисляютъ Толстого въ свой лагерь. Они могутъ считать Толстого своимъ, а въ ученіи о «непротивленіи злу» удивляться его непослѣдовательности. Но Толстой своими ихъ не считалъ и непослѣдовательности въ его сужденіяхъ нѣтъ. Только нужно отдавать себѣ ясный отчетъ, что Толстой не то, что мы всѣ, и постараться понять, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ.

И для этого нужно усвоить сначала, что въ противоположность намъ, людямъ міра, исходной точкой Толстого было вовсе не сознаніе недостатковъ нашего общежитія, не желаніе воплотить справедливость въ общественныхъ формахъ. Эти мотивы Толстому не чужды; онъ не разъ объ нихъ говорилъ, какъ и всѣ мы, политики; но для Толстого они второстепенны; зато у него были другіе интересы, о которыхъ мы вовсе не думаемъ.

Толстой самъ разсказалъ въ своей Исповѣди, что его натолкнуло на мысли, которыя привели къ «перелому». Онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, что для всѣхъ неизбѣжно, надъ предстоящей всѣмъ смертью; ему стало казаться, что если все то, ради чего мы живемъ, всѣ мірскія блага, матеріальныя и моральныя, наслажденія жизнью, богатство, слава, почести, власть надъ другими, если все это у насъ будетъ отнято смертью, то въ этихъ благахъ нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Если жизнь не безконечна, то жизнь просто безсмысленна; а если въ жизни нѣтъ смысла, то жить вовсе не стоитъ, слѣдуетъ какъ можно скорѣе уйти изъ этой жизни, избавиться отъ нея самоубійствомъ. Вотъ то неожиданное и безотрадное заключеніе, къ которому привела Толстого мысль о смерти. Эта проблема о смыслѣ жизни, если только она кончается смертью, не связана ни съ опредѣленной эпохой, ни съ народностью, ни съ опредѣленными формами государства; это по-истинѣ міровая проблема, которая касается всѣхъ.

Критики Толстого часто утверждаютъ, что его нелѣпое

ученіе только оттого обратило на себя вниманіе міра, что исходило отъ такого знаменитаго человѣка. Если бы это было такъ, то тѣмъ хуже для міра, который равнодушенъ къ такой важной проблемѣ, какъ смерть. Но въ одномъ критики правы. Если бы къ такимъ выводамъ пришелъ кто другой, они бы не произвели того впечатлѣнія. Тогда можно было бы думать, что въ основѣ ихъ лежитъ просто житейская неудача, что пессимистъ разсердился на жизнь потому, что она ему не удалась. Но къ этому выводу пришелъ Толстой, котораго можно было считать счастливцемъ и баловнемъ и судьбы и природы. Онъ имѣлъ рѣшительно все, чего по мірскимъ понятіямъ можно было желать, все, что людьми именуется счастьемъ; и тѣмъ не менѣе онъ нашелъ, что жить вовсе не стоитъ.

Былъ ли такой выводъ только капризомъ своеобразной натуры? Толстой отвѣчаетъ на это: нѣтъ, всѣ придутъ къ этому выводу, если только честно поставятъ себѣ этотъ вопросъ. Если люди могутъ спокойно жить, зная, что имъ суждено умереть, то только потому, что въ суетѣ жизни они о смерти не думаютъ, что смерть имъ кажется чѣмъ-то очень далекимъ. Словомъ, люди могутъ жить лишь потому, что у нихъ мало воображенія, какъ Толстой говорилъ В. Ф. Булгакову про Софью Андреевну. Люди вопросъ о смерти ставятъ себѣ серьезно только тогда, когда жизнь уже передѣлывать поздно, или въ томъ болѣзненномъ состояніи, когда самая мысль плохо работаетъ. Но возьмите человѣка въ полномъ обладаніи силъ, который знаетъ, что черезъ нѣсколько дней онъ умретъ неминуемо. Таковы приговоренные къ казни; и въ своемъ «Кругѣ Чтенія» Толстой постоянно возвращается къ ихъ психологіи. Именно эти люди могутъ дать себѣ настоящій отчетъ въ смыслѣ человѣческой жизни. Что они думаютъ? Пусть нѣкоторые въ ужасѣ и отчаяніи вымаливаютъ у палачей нѣсколько лишнихъ минутъ; это не значитъ, что въ эти минуты жизнь станетъ для нихъ полна смысла. Въ нихъ тогда говоритъ простой инстинктъ жизни, страхъ передъ смертью, который оттого такъ и силенъ, что при нашемъ отношеніи къ жизни смерть такъ безсмысленна и чудовищна, что поне-

волѣ пугаетъ людей. Но отбросьте этотъ неразсуждающій страхъ, какъ эти люди пожелали бы провести свои послѣдніе дни? И можно не сомнѣваться, что приговоренные къ казни не будутъ видѣть радостей и удовольствія въ томъ, въ чемъ обыкновенно ихъ люди находятъ. Они не будутъ другъ передъ другомъ гордиться и чваниться, не будутъ хвастаться заслугами и достоинствами; не будутъ изъ-за минутнаго преимущества другихъ обижать; не будутъ ссориться между собой и отнимать у другихъ то, чего хочется имъ; не будутъ тратить времени, силъ и труда на преумноженіе и накопленіе того, что имъ все равно придется оставить. Такое поведеніе съ ихъ стороны напомнило бы того богача, про котораго Христосъ говорилъ: «онъ собралъ богатства въ житницы и хотѣлъ ими наслаждаться вмѣстѣ съ друзьями; безумецъ, развѣ онъ это сталъ бы дѣлать, если бы зналъ, что Господь призоветъ его къ себѣ въ эту ночь»?

Люди, не думающіе о смерти, заключаетъ Толстой, ведутъ себя, какъ этотъ безумецъ. И при наличіи смерти для человѣка есть только два выхода: либо нужно какъ можно скорѣе эту безсмысленную жизнь добровольно покинуть, либо нужно ее перемѣнить и найти въ ней тотъ смыслъ, который бы не уничтожился смертью. Вся философія Толстого посвящена этой проблемѣ.

Это по истинѣ міровая проблема и на нее Толстой далъ отвѣтъ. Но чтобы принять этотъ отвѣтъ, нужно предварительно согласиться съ Толстымъ, что жизнь такъ, какъ міръ ее понимаетъ, дѣйствительно безсмысленна.

Это и объясняетъ, почему добрая половина тѣхъ возраженій, которыя дѣлались противъ Толстого, шла мимо него. Когда на проповѣдь Толстого о «непротивленіи злу» ему побѣдоносно указывали, что при этомъ ученіи мы станемъ жертвой насильниковъ, которые у насъ все отнимутъ, что погибнетъ культура, что не можетъ существовать государство, эти возраженія, по существу справедливыя, въ цѣль не попадаютъ. Если бы Толстой считалъ земныя блага достаточными, чтобы находить смыслъ въ нашей жизни, хотя она и окончится смертью, онъ бы не

могъ проповѣдывать непротивленія. Чтобы идти за Толстымъ, нужно прежде всего признать вмѣстѣ съ нимъ, что всѣ блага нашей культуры не даютъ смысла человѣческой, ограниченной жизни. Для тѣхъ, кто пришелъ къ этому выводу, возраженіе, что проповѣдь Толстого можетъ погубить эти блага, просто смѣшна. Представимъ богатаго человѣка, который узналъ, что онъ опасно боленъ и скоро умретъ. Онъ обращается къ доктору, который ему говоритъ, что есть средство поправиться и спасти свою жизнь; что для этого нуженъ отдыхъ, нужно бросить работу. И вдругъ его управляющій станетъ доказывать, что этого сдѣлать нельзя, ибо это причинитъ убытокъ дѣламъ. Что же изъ этого? Что сказали бы мы про того, который предпочелъ бы лучше умереть, но богатымъ, чѣмъ жить, потерявъ часть состоянія? А къ этому сводится большая часть возраженій противъ Толстого. Когда въ ужасѣ передъ противорѣчіемъ жизни и смерти, которое ощущается только тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше придется терять вмѣстѣ со смертью, Толстой пришелъ къ выводу, что мірскія радости, богатство, слава, общее уваженіе — дѣлаютъ смерть только страшнѣе, а потому жизнь только безсмысленнѣй, и предложилъ свое ученіе жизни, то возражать на это тѣмъ, что это ученіе можетъ привести къ потерѣ этихъ призрачныхъ благъ, то-же самое, что отвѣтъ управляющаго доктору, что леченіе больного не нужно, ибо можетъ помѣшать ему богатѣть. Говорить съ Толстымъ такъ, значитъ говорить на разныхъ языкахъ, о разныхъ предметахъ. Тому, кто здоровъ, докторъ ненуженъ; для него достаточно управляющаго. Тому, кто не видитъ недостаточности земныхъ благъ, покуда есть смерть, съ Толстымъ разговаривать не о чемъ. Для такого человѣка достаточно государственныхъ теоретиковъ, которые учатъ какъ создавать, распредѣлять и охранять эти земныя блага и цѣнности. Толстого нужно сравнивать не съ ними, не съ политиками, не съ тѣми, кто хлопочетъ объ увеличеніи благъ и справедливомъ ихъ распредѣленіи въ обществѣ, а съ тѣми, кто ставили тѣ-же проблемы, что и Толстой, т. е. съ учителями религій.

Въ этомъ оригинальность Толстого; я раньше сказалъ, что Толстой сынъ нашего позитивнаго вѣка, самъ позитивистъ; я остаюсь при такомъ утвержденіи. Но я съ тѣмъ же правомъ могу прибавить, что по запросамъ своего духа Толстой религіозная натура по преимуществу. Вѣдь степень религіозности человѣка опредѣляется не столько его взглядами, сколько серьезностью для него тѣхъ запросовъ и интересовъ, на которые отвѣчаетъ религія. Можно быть правовѣрнымъ и непоколебимымъ въ ученіи, которое предлагаетъ религія и быть нерелигіозной натурой. При системѣ нашего воспитанія отвѣты религіи часто узнаютъ и заучиваютъ раньше, чѣмъ умъ и совѣсть человѣка ставятъ вопросы, на которые отвѣчаетъ религія. Потому-то заученные отвѣты религіи иногда распадаются при первомъ размышленіи и столкновеніи съ жизнью. У человѣка подобнаго воспитанія религія остается элементомъ наноснымъ. Истинно религіозной натурой можно назвать только ту, которая не можетъ спокойно жить, пока на нѣкоторые вопросы ума и души она не видитъ отвѣта, для которой отвѣты на нихъ такъ же необходимы, какъ для другихъ необходимы мірскія удобства. Толстой, который не могъ помириться съ жизнью, пока не разгадалъ ея смысла, который не уничтожился бы смертью, Толстой былъ поэтому подлинной религіозной натурой.

Потому такъ интересны взаимныя отношенія его и религіи.

Толстой началъ какъ всѣ; ему были внушены начала религіи въ тѣ дѣтскіе годы, когда душевныхъ запросовъ, на которые отвѣчаетъ религія, у него еще быть не могло; и какъ только въ немъ заработалъ умъ, воспитанный на современномъ позитивизмѣ, ученіе религіи оказалось для него страннымъ, а главное совершенно ненужнымъ; въ результатѣ Толстой потерялъ «дѣтскую» вѣру безъ борьбы и мученій, даже безъ сознанія, что онъ этимъ что-то теряетъ.

Но пришло время, когда зрѣлый умъ сталъ искать отвѣта на свои сомнѣнія; размышляя о смерти, о безсмыс-

ленности жизни при наличіи смерти, ставя вопросъ, къ чему и зачѣмъ всѣ мірскія пріобрѣтенія, разъ все равно онъ умретъ, Толстой впервые понялъ, что позитивное міровозрѣніе не на все отвѣчаетъ. Какъ ни искалъ онъ именно въ немъ отвѣта на недоумѣнія, которыя имъ завладѣли, от вѣта онъ не находилъ. Толстой тогда впервые понялъ всѣмъ существомъ, зачѣмъ нужна человѣку религія, понялъ, что только она отвѣчаетъ на важнѣйшій вопросъ, который ставитъ себѣ человѣкъ; зачѣмъ онъ живетъ? И онъ обратился къ религіи на этотъ разъ уже сознательно; въ немъ совершилось тогда примиреніе съ Церковью, началась полоса усиленной религіозности, посѣщенія церковныхъ службъ, исполненія обрядовъ, изученія богословія. Можно было думать, что сознательное обращеніе къ вѣрѣ станетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, уже окончательнымъ. Вмѣсто этого произошло нѣчто неожиданное. По мѣрѣ того, какъ Толстой вникалъ въ сущность религіи, какъ онъ знакомился съ ея отвѣтами на свои сомнѣнія, какъ онъ ближе изучалъ христіанство, онъ не только не сближался съ Церковью, но все болѣе отъ нея отдалялся и кончилъ тѣмъ, что открыто съ ней разорвалъ и возсталъ противъ Церкви во имя Христа.

Здѣсь центръ Толстовскаго перерожденія и его нужно понять; Толстой подробно и откровенно разсказалъ все въ своей «Исповѣди».

Конечно, уже самому позитивизму Толстого противорѣчила религіозная мистика. Ему было трудно заставить себя вѣрить въ Откровеніе, въ Промыселъ, въ чудеса, въ воскресеніе Христа, словомъ въ то, чему учитъ религія. Но изъ-за этого однако Толстой съ Церковью не разошелся бы. Онъ нашелъ позицію, на которой онъ могъ сознательно подчинить ученію Церкви свое позитивное міровоззрѣніе; этой позиціей для него было смиреніе, обузданіе гордыни ума. Толстой увидѣлъ смыслъ въ томъ, чтобы заставить сомнѣнія своего ума замолчать, смириться передъ «вѣрою міра», объединиться со всѣми въ общемъ подчиненіи Церковному авторитету.

Толстого оттолкнула отъ Церкви не ея мистика, а отно-

шеніе Церкви къ земной жизни людей. Я позволю себѣ еще разъ повторить, ибо въ этомъ ключъ къ пониманію Толстого, что исходнымъ пунктомъ его перелома была мысль о недостаточности для жизни мірскихъ благъ матеріальныхъ и моральныхъ, если есть смерть, при которой эти блага исчезнутъ для человѣка. Не будь этого противорѣчія между смертью и жизнью, не будь смерти, позитивизмъ давалъ отвѣтъ на все земное. Культура увеличивала мірскія блага, государство ихъ охраняло и распредѣляло между людьми; оно обуздывало людской эгоизмъ, примиряло отдѣльныя вожделѣнія во имя общаго блага. Но зато вопросъ объ отношеніи личности къ собственной смерти не интересовалъ ни культуру, ни государство. Въ чемъ для нихъ тутъ вопросъ? Умерла одна личность, а на ея мѣсто стала другая; **la séance continue,** а душевныя муки отдѣльнаго человѣка позитивизма не интересовали; это личное дѣло каждаго и даже больше: это простой предразсудокъ, результатъ самомнѣнія. Когда Толстой поставилъ себѣ этотъ вопросъ, какъ быть со смертью, онъ въ позитивизмѣ не нашелъ не только отвѣта, но даже простого вниманія къ трагизму вопроса. Это какъ въ «Смерти Ивана Ильича», когда умирающій не находитъ себѣ никакого утѣшенія въ томъ, что по непреложному закону природы всѣ люди смертны, а потому онъ тоже смертенъ. Развѣ я, думалъ умирающій, и Кай изъ учебника логики одно и тоже? Развѣ смерть Кая могла примирить Ивана Ильича съ безсмысленностью и ненужностью его собственной смерти? И именно отъ этого Толстой отъ позитивизма обратился къ религіи; только она этимъ вопросомъ и интересовалась; только для нея отдѣльная человѣческая жизнь есть самоцѣнность, самоцѣль, а не средство для какихъ-то другихъ цѣлей. Эта отдѣльная жизнь для религіи дороже всѣхъ царствъ міра; она наслѣдуетъ вѣчную жизнь. Но зато Толстой полагалъ, что если исходная точка Церкви настолько противоположна земной, то ученіе Церкви о жизни непремѣнно будетъ отличаться отъ ученія міра. Примѣръ Христа это и показалъ; по его ученію первые на землѣ станутъ послѣдними на небесахъ; то, что на землѣ счи-

таютъ несчастьемъ, для Христа стало залогомъ блаженства; завѣтное и желанное для всѣхъ богатство есть тяжесть, которая не даетъ войти въ царство небесное. Такъ учитъ Христосъ. И потому практическіе совѣты Христа такъ отличны отъ ученія міра; онъ заповѣдуетъ не добиваться богатства, а раздать его нищимъ; не противиться обидамъ, а подставлять щеку обидчику и т. д. Словомъ: перемѣнилось направленіе жизни, перемѣнилось и все; то, что было направо, стало налѣво.

Таково ученіе Христа; но Церковь, говоритъ Толстой, въ своемъ ученіи о жизни пошла по другому пути; она не отвергла представленія міра о земныхъ благахъ и цѣнностяхъ; она подтвердила всѣ земныя понятія и учрежденія; освятила государство съ его грѣхами, съ его насиліями, войнами, смертными казнями; она стала учить, что на землѣ люди должны подчиняться велѣніямъ государства. Этого мало; въ лицѣ своихъ представителей Церковь показала, что и сама цѣнитъ мірскія богатства, комфортъ и почести. Все земное церковь оставила въ прежнемъ видѣ, какъ будто ея исходная точка зрѣнія на вещи была та-же, что и у міра.

Но если все осталось по-прежнему, то очевидно остался въ силѣ и тотъ вопросъ, о который споткнулся Толстой, изъ-за котораго онъ повернулся къ религіи; а именно, какой же смыслъ этой жизни, разъ то, на что мы въ жизни смотримъ какъ на благо, у насъ будетъ отнято смертью? Если для религіи точно такъ же, какъ и для невѣрія въ этихъ мірскихъ благахъ и достиженіяхъ есть смыслъ и радость жизни, то какъ религія мирится со смертью? Какъ она отвѣчаетъ на тотъ вопросъ, который себѣ задалъ Толстой; зачѣмъ нужно жить? На этотъ вопросъ отвѣтила мистика Церкви. Она учила, что смерти нѣтъ вовсе, что за гробомъ будетъ другая жизнь и возмездіе. Этимъ мистика помирила человѣка со смертью, съ безсмысленностью и безуміемъ нашей обычной жизни на землѣ. А если такъ, то въ глазахъ Толстого мистическое ученіе церкви изъ того безвреднаго ученія, которому было полезно себя подчинить, чтобы сломить гордыню

ума, превратилось въ очень вредное средство, которымъ Церковь оправдывала привычную дурную жизнь на землѣ. И, чтобы этого добиться, она исказила Христа и скрыла отъ людей то, что въ его ученіи было дѣйствительно великаго, но что шло въ разрѣзъ съ обычными взглядами міра. Этимъ путемъ, говоритъ Толстой, мистика Церкви послужила людскому обману. Благодаря ей люди стали видѣть въ ученіи Христа не то, что въ немъ было, не разумное, хотя и совершенно новое ученіе о жизни людей на землѣ, а способъ примирить людей съ ихъ безсмысленной жизнью и этимъ оправдать то зло, которымъ люди живутъ. Любопытно, что такимъ обвиненіемъ Толстой повторялъ то, что съ совершенно противоположной позиціи выставляли противъ Церкви революціонныя ученія міра. Революціонеры обвиняли Церковь за то, что своимъ ученіемъ о загробномъ возмездіи она мирила съ несовершенствомъ и негодностью общества, мѣшала революціонной борьбѣ за предоставленіе всѣмъ на землѣ справедливой доли участія въ мірскихъ благахъ и радостяхъ. А Толстой, который проповѣдывалъ отреченіе отъ этихъ радостей, который не видѣлъ никакой пользы въ измѣненіи общественныхъ формъ, точно такъ же и со своей стороны обвинялъ Церковь въ томъ, что ученіемъ о загробной жизни она утвердила въ людяхъ вкусъ къ мірскимъ благамъ и радостямъ. Такъ позитивное міровоззрѣніе Толстого и революціонеровъ объединило эти двѣ крайности въ ихъ отношеніи къ Церкви.

Въ этомъ спорѣ Толстого и Церкви я не беру ничьей стороны. Но да позволено будетъ мнѣ указать, что въ своемъ отношеніи къ земной жизни людей Толстой и Церковь какъ будто помѣнялись ролями.

Въ своемъ мистическомъ міровоззрѣніи Церковь имѣла силу, которой могла объяснить и оправдать любыя требованія къ человѣку. Если серьезно вѣрить тому, чему учитъ Церковь, вѣрить въ безсмертіе, въ загробную жизнь, въ Божескій судъ надъ людьми и возмездіе, то этой вѣры достаточно, чтобы устроить по-Божьи жизнь людей на землѣ. Если вѣра и не даетъ въ буквальномъ смыслѣ той

силы, о которой говорится въ Евангеліи, т. е. если она не позволяетъ человѣку сдвинуть скалу, то ея все-таки больше, чѣмъ нужно, чтобы помочь человѣку устоять передъ мірскими соблазнами. Человѣкъ, который говоритъ, будто дѣйствительно вѣритъ въ ученіе Церкви, а отъ соблазновъ грѣха удержаться не можетъ, показываетъ только, что вѣра въ немъ не сильна. Если-бы онъ серьезно вѣрилъ и все же грѣшилъ, онъ поступилъ бы какъ тотъ, кто чтобы утолить жажду сталъ бы пить завѣдомый ядъ. Между тѣмъ такъ люди не дѣлаютъ. Потому истинная вѣра въ церковную мистику могла бы безъ труда вести человѣка къ исполненію не только высокихъ и разумныхъ, но и самыхъ жестокихъ и противныхъ природѣ подвиговъ самоотреченія, къ полному отказу отъ земныхъ радостей, къ аскетизму, схимничеству, столпничеству. скопчеству, даже самосожженію.

Но несмотря на силу, которую ей давало ея міровозрѣніе, Церковь столкнувшись со слабостями и привычками міра, имъ уступила. И жизнь на землѣ она стала устраивать по позитивнымъ рецептамъ. Она вмѣстѣ съ позитивизмомъ стала учить, что завѣты Христа, его требованіе роздать имѣніе нищимъ, подставить щеку обидчику, не противиться злому — что все это лишь аллегорія; что это идеалъ, котораго нельзя требовать отъ человѣка, который осуществляется процессомъ исторіи всѣмъ человѣчествомъ; а пока «по людской жестоковыйности» людямъ достаточно жить по ветхозавѣтнымъ правиламъ и жить въ подчиненіи государству. Съ ученіемъ Церкви о жизни произошло то же, что съ ея ученіемъ о мірозданіи. Она и въ немъ уступила позитивной наукѣ, не стала настаивать на 7-ми дняхъ творенія, согласившись видѣть въ нихъ аллегорію, и перестала отлучать Галлилеевъ отъ Церкви за несогласіе съ Библіей. Словомъ Церковь при всемъ своемъ міровоззрѣніи, въ практическихъ выводахъ сдала свои позиціи позитивизму. Управленіе земной жизнью, взглядами и поведеніемъ людей Церковь оставила за людскими учрежденіями, наукой и государствомъ.

Значеніе ея для людей отъ этого не исчезло, но сосре-

доточилось въ очень ограниченной области. Церковь и ея ученіе стало прибѣжищемъ и утѣшеніемъ труждающихся и обремененныхъ. Обиженные судьбой или людьми, страдающіе отъ людской несправедливости, безсильные добиться правды здѣсь на землѣ, получили отъ Церкви великое обѣщаніе: торжество правды за гробомъ. Такое ученіе Церкви примиряло міръ съ существующимъ зломъ, помогало людямъ терпѣливо переносить ихъ личное горе. Міръ продолжалъ жить по-мірски; но Церковь стала какъ бы Краснымъ Крестомъ, который перевязываетъ раненыхъ, самъ не участвуя въ битвахъ. Церковь и ея ученіе стали поэтому сами собой, даже не заботясь объ этомъ, великой консервативной силой, оплотомъ мірского порядка. И государство это поняло и само стало искать союза съ Церковью. И любопытно, что по тѣмъ же причинамъ политическіе реформаторы безразлично революціоннаго или эволюціоннаго толка, всѣ, кто хотѣли добиться полной правды здѣсь на землѣ, стали видѣть въ Церкви врага, гасителя революціоннаго или прогрессивнаго духа. Знаменитая фраза большевиковъ «религія опіумъ для народа» есть только глупое и грубое выраженіе; но по существу это мысль, которую они не одни раздѣляютъ; и стремленіе государствъ освободиться отъ союза съ Церковью, модный принципъ секуляризаціи есть невольная дань этой тенденціи. Такова судьба Церкви при ея столкновеніи съ мірскими понятіями.

Совершенно обратный процессъ случился съ Толстымъ; позитивистъ по міровоззрѣнію, онъ отбросилъ позитивное ученіе о правильномъ устройствѣ человѣческой жизни и общежитія и въ заповѣдяхъ Христа увидалъ не аллегорію, не недостижимый для человѣка идеалъ, а исполнимое и разумное правило поведенія, дающее человѣку счастье здѣсь на землѣ. Такое пониманіе Христа для позитивиста было несравненно труднѣе, чѣмъ для Церкви; онъ не могъ ссылаться на велѣніе Бога и на возмездіе въ другой жизни; онъ долженъ былъ по-мірски, убѣдительно для позитивнаго ума доказать, что христіанское ученіе способно уже на землѣ дать людямъ счастье. Толстой такъ поста-

вилъ задачу и такъ ее разрѣшилъ; онъ сталъ проповѣдникомъ христіанства безъ Бога. Этимъ въ 80-хъ годахъ онъ исполнилъ мечту, о которой еще молодымъ человѣкомъ 5-го марта 55-го года записалъ въ своемъ дневникѣ.

«...Вчера разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую способнымъ себя посвятить жизнь. Мысль эта — основаніе религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ».

Толстой сознательно поставилъ себѣ задачу связать два несовмѣстимыхъ начала. Онъ разрѣшилъ ее какъ въ основной книгѣ, «Въ чемъ моя вѣра», такъ и въ спеціальномъ сочиненіи «О жизни». Въ нихъ все обоснованіе Толстовской теоріи.

Не въ томъ бѣда, говоритъ Толстой, что природа дала намъ смертную, конечную жизнь; а въ томъ, что сами люди сдѣлали эту жизнь исключительно личной. Въ этомъ противоположеніи жизни личной и общей — вся разгадка вопроса. Позитивизмъ знаетъ одно противоположеніе «я» и «не я». Свою личную жизнь мы противопоставляемъ общей и не только противопоставляемъ, но и предпочитаемъ ее. Все, что мы дѣлаемъ для другихъ, мы дѣлаемъ въ сущности для себя, ради своего удовольствія, долга или гордыни. Вся наша жизнь переполнена нами. Тѣмъ смерть и ужасна. Въ моментъ смерти наша личная жизнь, которую мы цѣнили превыше всего, исчезаетъ; и исчезаетъ только одна, а общая жизнь міра продолжается и безъ насъ. Потому смерть и стоитъ въ такомъ безнадежномъ противорѣчіи съ нашимъ отношеніемъ къ жизни; потому смерть и кажется столь безсмысленной, а безсмыслица смерти въ свою очередь дѣлаетъ безсмысленной и самую жизнь.

Какой же выходъ изъ этого? Онъ одинъ: человѣкъ долженъ жить не своей личной жизнью, а всей жизнью міра; онъ долженъ сознавать въ себѣ не свою личность, какъ противоположную міру, а только часть этого міра;

онъ долженъ сдѣлать такъ, чтобы его личная жизнь ощущалась имъ только какъ частица чего то большого и безсмертнаго. Этому и училъ Христосъ. Христосъ своимъ ученіемъ о любви къ ближнему показалъ, какъ осуществлять такое отношеніе къ жизни. Онъ училъ любить другихъ какъ себя; училъ отказываться отъ всего личнаго; отъ личной собственности, отъ личной чести, отъ личнаго блага; заповѣдалъ подставлять щеки обидчику, отдавать все, что другіе попросятъ, бросить свое имущество и сдѣлаться нищимъ. И когда мы дойдемъ до послѣдняго, до того, въ чемъ заключается любовь больше которой не существуетъ, до жертвы собственной жизнью для другихъ, тогда смерть для насъ не будетъ страшна. Вѣдь это не невозможно; это бываетъ съ людьми. Такъ мать съ радостью умираетъ, чтобы спасти жизнь ребенку, солдатъ гибнетъ за родину или революціонеръ за доктрину. Все это человѣку доступно; и въ этомъ смыслъ жизни; ибо только этимъ человѣкъ становится сильнѣе, чѣмъ смерть.

Таково логическое основаніе, которое Толстой подвелъ подъ свое ученіе. И вотъ почему заповѣди Христа открыли ему смыслъ земной жизни и уничтожили его прежній страхъ передъ смертью. Ученіе Толстого здѣсь сомкнулось въ систему. О, конечно, противъ такого ученія можно многое возразить и позитивизму, и Церкви. Позитивизмъ обрушился на исходную точку Толстого; почему воображаетъ Толстой, будто смерть уничтожаетъ смыслъ земной жизни? Зачѣмъ нуженъ какой-то смыслъ жизни, когда есть инстинктъ жизни и всѣ ея всѣмъ доступныя радости? Почему Толстой не мирится съ общей участью всего живого міра? Всѣ вопросы Толстого по мнѣнію позитивизма вопросы праздные, на которые не можетъ быть, да и не нужно, отвѣта. Не меньше возраженій противъ выводовъ Толстого представила Церковь и люди церковнаго настроенія. Объявить Христа человѣкомъ, отрицать его воскресеніе, не значитъ ли уничтожить всю основу Христова ученія, свести христіанство къ нежизненной, неинтересной и недоступной человѣческимъ силамъ морали? Развѣ разсудочная теорія объ общей жиз-

ни, которая будто бы уничтожаетъ страхъ передъ смертью можетъ замѣнить для людей вѣру въ Любовь и милосердіе Божіе, въ его заботы о людяхъ, въ его всепрощеніе и радость конечнаго единенія съ нимъ? Своимъ ученіемъ Толстой добился лишь одного: возстановилъ противъ себя и міръ, и Церковь, и позитивизмъ, и религіозную мистику.

Все это вѣрно. Толстой пошелъ противъ Церкви, отвергнувъ религіозное міровоззрѣніе и противъ міра, отвергнувъ его взгляды на жизнь. Онъ соединилъ въ себѣ два несовмѣстимыхъ начала. Онъ заимствовалъ у міра его позитивизмъ, а правила жизни взялъ не у Церкви, какъ я долженъ былъ бы сказать для симметріи, а у Христа. И сдѣлавъ это, возсталъ противъ Церкви, обвиняя ее за то, что ради земныхъ благъ она отреклась отъ Христа, какъ когда-то испугавшись міра отказался Петръ отъ Христа въ саду Гефсиманскомъ. И потому Толстой возсталъ на два фронта и противъ Государства, и противъ Церкви. Но отношеніе къ Толстому этихъ двухъ главныхъ силъ міра было неодинаково.

Церковь его не простила; она считала его врагомъ и врагомъ самымъ опаснымъ. Она была совершенно права. Для Церкви опасны не люди невѣрующіе, которымъ все равно, какъ Базарову, что изъ нихъ послѣ смерти лопухъ будетъ расти. Такіе люди для религіи не существуютъ, ни какъ друзья, ни какъ враги. Толстой былъ не таковъ. Онъ не могъ жить, не найдя смысла жизни, т. е. не разрѣшивъ вопроса, который лежитъ въ основѣ религій. Толстой и Церковь говорили однимъ языкомъ; Толстой могъ либо стать великимъ подвижникомъ Церкви, ея учителемъ, ея послушнымъ сыномъ, либо быть ея опаснымъ врагомъ. Онъ сталъ послѣднимъ, и Церковь его осудила. Но да будетъ позволено одно сопоставленіе. Въ своемъ окончательномъ выводѣ, несмотря на разрывъ съ Церковью, Толстой пришелъ къ проповѣдыванію Христа во всей его полнотѣ, къ тому, что Церковь не отвергала, но только считала выше слабыхъ силъ человѣческихъ. Отрицая Христа какъ Бога, Толстой тѣмъ

не менѣе именно его проповѣдывалъ. И какъ будто къ Толстому можно было примѣнить притчу Христа о двухъ сыновьяхъ. Одинъ сынъ сказалъ отцу: «пойду» — и не пошелъ; другой сказалъ: «не пойду» — и пошелъ; Христосъ предпочелъ второго, непокорнаго сына. Такимъ сыномъ былъ и Толстой; онъ, не признавая Церкви, проповѣдывалъ то, чему она учитъ. Мы знаемъ изъ Евангелія Христовъ судъ надъ такими людьми. Но судъ людской не таковъ; онъ предпочитаетъ внѣшнее послушаніе и потому судъ людской, хотя бы именемъ Церкви, его осудилъ.

Иначе отнеслось государство къ Толстому. Онъ былъ врагомъ государства, отрицалъ самыя основы его, всѣ тѣ учрежденія, безъ которыхъ государство немыслимо. Но государство все же не испугалось Толстого. Государству приходится имѣть дѣло съ мотивами другого порядка, съ человѣческой жадностью, злобой, съ людскимъ эгоизмомъ. Государство и существуетъ затѣмъ, чтобы примирять и обуздывать подобныя страсти. Толстой, который былъ обличителемъ этихъ страстей, государству не былъ опасенъ. А съ другой стороны государство слишкомъ хорошо знало силу этихъ страстей, чтобы бояться, чтобы Толстой своею проповѣдью могъ людей за собой увести, убить волю къ жизни, любовь къ земному благополучію и тѣмъ погубить людскую культуру. Государство могло опасаться лишь одного, что взгляды Толстого могутъ быть перетолкованы, что изъ нихъ сдѣлаютъ не тѣ выводы, которые онъ бы хотѣлъ, что люди изъ него могутъ взять одно отрицаніе и этимъ послужить людской злобѣ. Потому государство запрещало проповѣдываніе взглядовъ Толстого, карало за печатаніе и распространеніе его сочиненій. Но самого Толстого тронуть оно не рѣшалось. И этимъ больше всего объясняется противорѣчіе, которое не разъ отмѣчали въ дѣйствіяхъ государственной власти, судившей за распространеніе его сочиненій, но самого автора ихъ не привлекшей. Это объясняли боязнью скандала; но для этого есть болѣе простая причина. Государство боролось съ тѣмъ мірскимъ пониманіемъ, которое можно было извлечь изъ Толстого.

Но **е г о с а м о г о** оно не боялось и всю высоту ученія его понимало.

И не напоминаетъ ли это первую встрѣчу государства съ Христомъ, о которой намъ разсказала исторія?

Пилатъ не испугался Христа, когда его къ нему привели; за Пилатомъ стояло не только могущество Рима, но и жажда людей къ мірскимъ наслажденіямъ. Пилатъ былъ убѣжденъ, что заповѣди Христа міра за собой не увлекутъ. Но самъ язычникъ Пилатъ оцѣнилъ высоту Христова ученія; онъ хотѣлъ спасти Христа, самъ выдумалъ вопросъ о подсудности, заступился за него передъ его обвинителями, назвалъ Христа праведникомъ, оправдалъ его во всѣхъ обвиненіяхъ; предлагалъ отпустить его на волю для праздника. Такъ въ лицѣ Пилата поступало тогдашнее **г о с у д а р с т в о.** Убило Христа не государство, а Церковь, которая настояла на казни и предпочла Варраву Христу. Церковь не простила Христу его непослушанія. И оффиціальная іудейская Церковь распяла Христа за Моисея, какъ черезъ нѣсколько вѣковъ сама Христіанская Церковь стала жечь еретиковъ во имя Христа. Въ такомъ отношеніи государства и Церкви къ Христу очевидно была своя логика. Она сказалась позднѣе. Прошло много времени, государство и Церковь размежевали свои компетенціи и примирились. То Церковь казалась сильнѣе, то государство ее подчиняло; но ученіе Христа приспособленное къ мірскимъ пониманіямъ уже никого не тревожило. И вдругъ явился Толстой и напалъ и на государство, и на Церковь во имя **с в о е г о** Христа. Его Христосъ былъ не Христосъ нашей Церкви, не Богъ-Сынъ, сидящій одесную Отца и сошедшій на землю ради величаваго подвига искупленія. Христосъ Толстого — простой человѣкъ, замученный, униженный и распятый людьми. Но къ этому замученному человѣку Толстой отнесся не съ высокомѣріемъ позитивизма, который въ Христѣ увидѣлъ только благороднаго утописта, изложившаго ученіе несовмѣстимое съ законами человѣческой природы. Толстой въ заповѣдяхъ Христа увидѣлъ разумную и спасительную разгадку жизни, совершенно исполнимое пра-

вило поведенія, но спасительное только въ томъ случаѣ, если его будутъ соблюдать полностью, безъ уступокъ человѣческимъ слабостямъ. Толстой свелъ личность Христа съ неба на землю, но зато ученіе его вознесъ до небесъ.

Въ этомъ была его міровая позиція. И съ этой позиціей повторилось то же явленіе. Церковь отлучила Толстого, лишила его погребенія, запретила молиться о немъ; а государство, позитивное государство, погрязшее въ человѣческихъ слабостяхъ, хотя не пошло за Толстымъ, какъ не пошло за Христомъ, Толстого не осудило, а низко поклонилось ему.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Главный складъ изданія:

Fremdsprachen-Buchhandlung

H. SACHS A. G.

BERLIN S. W. 48, Verl. Hedemannstr. 6

Складъ для Франціи:

Librairie russe et française

« MOSKWA »

9, rue Dupuytren, PARIS (6e)